

БОЕВИК

ВОЕННО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ

ГОСПОДИН
ИЗ
ЗАВТРА

БОРИС
ОРЛОВ

АЛЕКСЕЙ
МАХРОВ



НА СТРАХ ВРАГАМ!

**Алексей Михайлович Махров
Борис Львович Орлов
Господин из завтра.
На страх врагам!
Серия «Военно-
фантастический боевик»
Серия «Господин из завтра», книга 4**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3148645

Господин из завтра. На страх врагам!: Яуза : Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-00155-071-6

Аннотация

Они отправились в прошлое не по воле судьбы, а по велению долга! Они заняли ключевые посты в Империи: наследника престола, промышленника-миллионера, великого князя, главного инженера химзавода, генерал-адмирала, начальника службы разведки. Они смогли победить в гражданской войне и отбить интервенцию – уцелевшие враги под конвоем рубят просеки в глухой тайге для прокладки Транссиба.

Они не просто «попаданцы», они – «прогрессоры»!

Пришло время проверить их вклад в науку, культуру, промышленность и военное дело России – начать собственную экспансию во внешний мир, сделать границы нашей страны неприступными, отвоевать Царьград, показать наглым британцам кто в море хозяин!

*Другое название книги: «Царствуй на страх врагам!
«Прогрессор» на престоле»*

Содержание

Пролог[1]	6
Часть первая. Основы мультикультурной экспансии	12
Рассказывает Олег Таругин (император Николай II)	12
Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей)	21
Рассказывает Илья Дорофеев (Владимир фон Шенк)	38
Рассказывает Григорий Романов (великий князь Павел)	61
Рассказывает Олег Таругин (император Николай II)	78
Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Алексей Махров,
Борис Орлов
Господин из завтра.
На страх врагам!**

© Махров А.М., 2019

© Орлов Б.Л., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Пролог¹

Я сидел на жесткой койке и смотрел на свои руки. Приговор, услышанный вчера утром, не стал неожиданностью. «Смертная казнь через повешенье. С учетом прежних заслуг и воинского звания заменить на расстрел». По Высочайшему повелению. И на том спасибо...

Я снова посмотрел на свои натруженные руки, потом случайно перевел взгляд на китель. Было невыносимо горько, когда с него срывали ордена и эполеты. Ведь не на балах и не во дворцовых кулуарах заслужены, а потом и кровью... Трансильвания, Туртукай, Силистрия, Руцук... Я честно служил и честно воевал. Когда покойный император сделал меня военным министром, казалось, что впереди – долгая, счастливая дорога. Я знал, что могу многое сделать на своем посту и многого могу достичь. И достиг бы...

...Тогда в декабре на процессе... вот уж действительно – процесс! Меня обвинили во всех смертных грехах. Шпионаж в пользу Британской империи, саботаж в армии, участие в покушении на священную особу государя императора... Я знал, что все это – ложь, и, что самое удивительное, судьи, прокурор, да и большая часть тех, кто сидел в зале, – разумеется тех, кто сидел в первых рядах, а не этой черни, ко-

¹ Он же послесловие к предыдущей части – роману «Хозяин Земли Русской».

торая орала «Смерть предателю!», – все они знали, что это ложь. Чушь и ересь! А о том, в чем я действительно виноват, никто и не упомянул. А ведь я виноват... или не виноват? Да, я искренне считал, да и по сию пору считаю: совершенно неважно, какое имя носит император, сидящий на троне, ибо не он – империя. Империя – это люди: министры, генералы, солдаты, крестьяне... А император – это всего лишь фасад, знамя, и какое кому дело до того, что на этом знамени начертано: «Владимир» или «Николай»?..

Да, я ошибся, выбирая сторону. Мой старый товарищ Федор Гейден сидел на процессе в первом ряду, в новом мундире, с созвездием орденов на груди. Не просто генерал свиты, а генерал-фельдмаршал. Новый император, надо отдать ему должное, оказался не глуп. Одной рукой жестоко карая тех, кто выступил против него, другой – ласкал и щедро ода-рял тех, кто верен... Я невольно усмехнулся: ротмистр Ренненкампф, лошажник, не знающий и не разбирающийся ни в чем, кроме седел и шпор, уже полный генерал, да еще и в свите. Духовский, мой однокашник, с которым некогда при-яательствовали, – генерал от инфантерии. Васильчиков, ко-торый вряд ли до брался бы до четвертого² класса, – пред-седатель всемогущего КГБ... А ведь все они не отличают-ся ничем особенным, кроме разве какой-то мистической, не человеческой, а прямо-таки собачьей преданности молодо-му императору. Вот только Гейден...

² По Табели о рангах, чин IV класса соответствует генерал-майору.

Вспоминаю свои телеграммы Гейдену, сначала уверенные, потом истерические и, наконец, умоляющие, в которых я приказывал, требовал, просил прислать войска генерал-губернатора Финляндии к Петербургу. Помнил и ответ – единственный ответ, которым старый друг и товарищ удостоил меня. Набор грязной площадной брани. Федор выбрал верную сторону, пожалуй, единственный раз в своей жизни. А я впервые в жизни поставил не на ту карту. И вот теперь несу за это кару. И не только я...

Мою просьбу выполнили. На столе стоит фотография семьи. Жена, двое сыновей. Борис³ не дожил до позора – он погиб где-то под Тосно в бою с бронепоездом. Сергей...⁴

Сергей вышел подпоручиком в Преображенский полк. Я тогда не шевельнул пальцем для протекции сыну, но умница Сереженька все же был первым по выпуску. Пошел в лейб-гвардию... Это был единственный раз, когда я дал слабину на допросах. Я был готов присягнуть, что сын ни в чем не виноват, но следователь сказал мне, что, во-первых, по распоряжению императора сын за отца не отвечает, а во-вторых, это уже не имеет значения, так как, к сожалению, при уходе из Петербурга Преображенского полка озверевшие солдаты подняли Сергея на штыки. И сообщил это таким будничным, казенным тоном, словно говорил о поломанной та-

³ Ванновский Борис Петрович (1860–1918) – генерал-лейтенант.

⁴ Ванновский Сергей Петрович (1869–1914) – генерал-майор. Командовал сводной кавалерийской дивизией. Погиб под Лембергом.

буретке или порванном ботинке, что я сначала и не понял, о чем идет речь...

...Да, про меня говорили – груб и деспотичен, но только так и можно командовать. Армия не место для сантиментов и нежностей. Я приказывал и требовал, чтобы мои приказания выполнялись, и разве это не мой долг? Разве не долг моих подчиненных выполнять приказы? Я привнес в армию много нужного, дельного – по-настоящему дельного, просто необходимого для реорганизации армии на новый лад. Да, до многого я не додумался, но кто бы мог предугадать появление в военной науке такой неучтенной величины, как Рукавишников?! Откуда можно было ожидать внедрения скорострельных автоматических картечных, блиндированных мобилей, новых артиллерийских систем? Я не был ретроградом, но знать не знал, как применять подобное, нигде еще не виданное оружие. И никто не знал, разве что император... Вот уж кто в полной мере сумел распорядиться всеми новинками, так это Николай. Должно быть, он заранее был предупрежден об изобретениях своего друга и долго-долго обдумывал и рассчитывал, как применять это новое оружие. Возможно, ему помогали Гейден, Духовский, да тот же Васильчиков, который хоть и не был никогда особенным талантом, все же имел боевой опыт. И вот потом...

Потом было страшное. Но, несмотря на все эти новые штучки, мне все же удалось не допустить полного развала армии, части подчинялись моему командованию, фронт дер-

жался – пятился назад под ударами «Николаевского монстра» и чертовых броневиков, но держался! И вдруг – все сломалось. В одно мгновение, неуловимое, как солнечный зайчик, все рухнуло. Англичане побежали, русские части бросали оружие... Ренненкампф неожиданно провел уникальный обходной маневр и вломился в наши тылы, точно слон в посудную лавку. Сам он никогда не додумался бы до такого, но вместе с молодым императором оказались такие признанные стратеги, как Столетов, Алахазов, Драгомиров...

Великий князь Владимир мог бы еще что-то сделать, но император Николай... Этот мальчишка не пожелал быть просто вывеской или штандартом. Его иезуитский ум нашел новый способ ведения войны – убийство руководителей. Кто-то из приспешников, возможно, тот самый Васильчиков, который никогда не был особенно умен, но всегда славился своим снобизмом и... нет, не жестокостью, но жесткостью, набрал и подготовил убийц, которые застрелили великого князя на параде.

Я вздохнул. Конечно, это не самый благородный способ ведения войн, но... Император сберег жизнь своих солдат, сохранил силы. Приходится признать, что Николай абсолютно прав. Жаль, удивительно жаль, что я выбрал не ту сторону...

Лязгнули засовы на двери. Уже пора? А-а, это священник... Что? Да, святой отец, я хочу исповедаться...

...Вот и все. И путь земной окончен. Почти...

Я встал, выпрямился, поправил пенсне. И спокойно зашагал между конвоирами туда, где уже топтался полувзвод солдат возле исчербленной кирпичной стены...

Часть первая. Основы мультикультурной экспансии

*Послезнание только помогало нам предвидеть
негативные последствия того или иного шага, но
верных рецептов дать не могло.*

Григорий Романов (великий князь Павел)

Рассказывает Олег Таругин (император Николай II)

Вот и пролетели первые полгода моего царствования. Завтра наступит новый, 1889 год. И сегодня, в последний день уходящего года, можно подвести промежуточные итоги. За эти месяцы было сделано и много и мало одновременно. Чертовски много, если сравнивать не то что с реальным Николаем II, а, пожалуй, и с любым русским императором. И чертовски мало по сравнению с тем, что еще предстоит сделать...

Подавление мятежа стоило дорого – экономика получила сильный шокирующий удар, но, к счастью, сумела выстоять. Впрочем, наша экономика на девяносто процентов аграрная, и пострадала в основном промышленность. К счастью, до

физического разрушения производственных мощностей не дошло, но материальные и финансовые связи между фабрикантами, банкирами и потребителями порвались довольно сильно. Однако хозяйство стального короля Рукавишникова не понесло потерь, поэтому Димыч сразу после окончания «гражданской войнушки» приступил к реализации крупномасштабных проектов – разработке месторождений Урала и Сибири. И очень скоро в стране появится гематит с горы Магнитная и золото с приисков на реке Лена. Стальград «выкинул» несколько «отростков», и теперь в Российской империи активно работают двенадцать «государственных товариществ», сочетающих в себе достоинства казенных и частных предприятий.

Сам Димыч, граф Рукавишников, непонятным образом умудряется сочетать должности командира лейб-гвардии бронекавалерийского Лихославльского полка и начальника Департамента промышленности, науки и торговли. Жалуется, что мало спит, но дело тянет. Полк мы используем в качестве учебного – прогоняем через него строевых унтер-офицеров, механиков-водителей штурмовых броневиков, башенных стрелков, техников, оружейников-ремонтников.

Молодые гении – Попов и Герц наконец-то разродились открытием. С помощью некоего Шнирельмана, «подаренного» Стальграду в прошлом году великим князем Алексеем Александровичем, создали первый в мире приемопередат-

чик на коротких волнах с дальностью действия в тысячу километров. Правда, работать пока приходится телеграфным ключом, но ведь лиха беда начало!

Афанасий Горегляд, двадцать лет проработавший главным инженером химкомбината «Корунд», практически закончил строительство первого в России химического предприятия, превосходящего по масштабу все, имеющиеся в мире. Аммиак, азотную и серную кислоты гнали сотнями тонн. А это минеральные удобрения и взрывчатка, моющие вещества и напалм, бездымный порох и красители. Но, кроме этого, Горегляд удивил всех – оказалось, что еще в «прошлой» жизни он увлекался дельтапланеризмом. И, попав в молодое тело, вернулся к занятию любимым хобби, построив несколько моделей «планеров», как их здесь называли. Причем два летательных аппарата оснастили экспериментальными ротативными двигателями. Из-за всех этих обстоятельств в Стальград зачастили Николай Егорович Жуковский и Дмитрий Иванович Менделеев.

«Дядя Паша», великий князь Павел Александрович, он же бывший первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов, всюду развернулся на строительстве Транссибирской железной дороги. Темпы просто «стахановские» – к весне обещают полностью закончить прокладку маршрута, а на некоторых участках уже кладут рельсы. Если так пойдет и дальше, то можно ожидать окончание строительства не через десять, как «в реале», а через пять лет. И

после этого перекинуть имеющиеся людские ресурсы и технику в европейскую часть России – здесь тоже нужны железные дороги.

Димкин дедуля, Владимир Альбертович, «в миру» Виталий Целебровский, получив карт-бланш на создание военной разведки, творит чудеса. И как он умудрился всего за год подобрать среди сослуживцев по Военно-учетному комитету⁵ и офицеров Главного штаба достойных кандидатов на должности разных уровней своей организации? Создание централизованной структуры – очень важная часть дела, но агентура гораздо ценнее. Удивительно, но и с этим у Альбертыча все было в порядке – до вербовки австрийских генштабистов⁶ пока не дошло, но глыба сдвинулась с мертвой точки. Новые «полевые» агенты, лично отобранные и обученные Целебровским, не считали вербовку осведомителей постыдным занятием и предавались этому процессу с огромным воодушевлением, выдумкой и мастерством. Мало того – Виталий Платонович замахнулся на формирование частей специального назначения. Впрочем, одна такая рота «спецназа ГРУ» у него уже была – после окончания мятежа он так и не вернул в Сталинградскую народную дружину снайперскую команду, успешно осуществившую ликвидацию узурпатора – великого князя Владимира Александровича.

⁵ Военно-учетный комитет Главного штаба занимался военной разведкой.

⁶ Николай намекает на дело полковника Альфреда Редля, офицера Австрийского генштаба, завербованного русской разведкой.

Еще круче действует Дорофеич – Илья Петрович Дорофеев, он же Владимир Петрович фон Шенк, бывший корнет лейб-гвардии Гусарского полка, официально ушедший в отставку после прошлогоднего памятного случая с «утоплением» лакея и поркой камердинера великого князя Николая Николаевича-младшего⁷. Дорофеич, дослужившийся в прошлой жизни до звания генерал-майора и должности заместителя начальника 5-го управления ГРУ⁸, попав на Британские острова под личиной идейного борца за освобождение Ирландии, резвился вовсю – создал подпольную боевую организацию под названием Ирландская республиканская армия. С помощью некоторого количества денег из личных «сбережений» цесаревича Николая и великих князей Алексея и Павла, а также присланных из России винтовок «Пищаль» стальградского производства и инструкторов – «чистокровных» ирландцев, – с трудом говорящих на английском, зато свободно владеющих русским матерным, начал полномасштабную партизанскую войну на Зеленом острове. Причем «по-взрослому» – с полным разгромом гарнизонов и полицейских участков, разрушением административных зданий и убийством английских чиновников. Специально обученные боевики ИРА устраивали диверсии и акты саботажа на английских военных заводах. Венцом их действий стала диверсия, уничтожившая два десятка готовых орудий-

⁷ См. роман «Вставай, Россия!».

⁸ Управление оперативно-тактической разведки ГРУ ГШ РФ (Пятое).

ных стволов крупного калибра на заводе Армстронга. А каждый ствол – это несколько тысяч человеко-часов квалифицированного труда. Четыре недавно спущенных на воду броненосца Королевского флота остались без орудий главного калибра. На изготовление нового комплекта уйдет полтора-два года.

Гейден закончил «умиротворение» Финляндии и почитет на лаврах. Собственно, примерно шестьдесят процентов финнов включились в строительство Транссиба или осваивают труднодоступные районы Сибири и Дальнего Востока, но на освободившиеся земли прибыли жители из Нечерноземья или центральных губерний России, и демографической пропасти в Великом княжестве Финляндском не наблюдается. Наоборот, там, скорее, демографический бум...

В Польше посложнее. Павел Карлович наводит порядок на просторах Царства Польского с таким размахом, что иногда мне кажется – если он будет продолжать такими темпами, то через десять лет в Русской Польше не останется ни одного поляка. Это, конечно, полезно в плане заселения Сибири, но что же потом с пустыми землями делать?

Наш доблестный генерал-адмирал плотно засел в Сингапуре, совершенно не собираясь его отдавать. Связь с ним наконец-то наладилась, но на мое предложение бросить все и следовать во Владивосток Платов ответил отказом. Мотивировав тем, что отдавать все «нажитое непосильным трудом» – большая глупость и Сингапур – ключ к английской

торговле между Китаем и Индией. Ладно, с неисполнением приказов я потом как-нибудь разберусь! Но вот на мое робкое замечание, что да, отдавать хоть и жалко – да надо, иначе большая война будет, и разозленные англы нагонят туда коробок со всего света, и кончится это все тем, что рано или поздно все равно его отобьют. Или блокируют плотненько и подождут, пока бравая русская эскадра с голодухи кони двинет. Лучше самим отдать в обмен на какие-нибудь преференции. В ответ «злой пират» предложил устроить Второй Берлинский, а еще лучше Парижский конгресс и на нем официально изъять из договора о морском праве статейки, подписанные в 1856 году⁹. Мол, захватив город и порт, а также проводя взятия призов в океане, русские были в рамках правового поля, и точка! Враждебные действия против кораблей Российского императорского флота англичане произвели? Произвели! Неуважение к флагу – уже повод для войны, а враждебные действия по отношению к боевому кораблю, да еще и в своей гавани – *casus belli*¹⁰.

Обставить все это нужно предельно корректно, заявив, что Британия и королева... конечно, ни при чем, но ее веро-

⁹ Парижский договор 1856 г. запрещал каперство, или крейсерскую войну, которую вели частные лица с правительственными лицензиями, получавшие прибыль от продажи захваченных ими призов.

¹⁰ Дипломатический термин, обозначающий непосредственный формальный повод для возникновения между государствами состояния войны. Буквально: «случай (для) войны», «военный инцидент» (*лат.*). Являлся законным основанием для открытия военных действий, служил оправданием войны.

ломные подданные... Которых русские за это наказали достойным образом. Мы, конечно, вернем собственность короны законной владелице. Но за это... только из дружеского расположения потребуем денонсации Парижского трактата о морском праве и небольшой островок в Индийском океане. Где впоследствии создадим пункт материально-технического обеспечения флота.

Армия постепенно перевооружается. Магазинными винтовками обеспечены все полки первой линии, и уже более половины дивизий перешли на новые штаты, имея на вооружении не только винтовки, но и ручные и станковые пулеметы, минометы, гранатометы, а также современные средства управления и связи, включая телефонную и радиотелеграфную. Правда, почти никто из армейских командиров низшего и среднего звена не умеет всем этим богатством пользоваться, да и с тактикой у них не очень. Их приходится обучать на трехмесячных курсах типа нашего «Выстрела». С низшими чинами проще – есть новый устав, и в каждом полку присутствуют инструкторы из числа унтер-офицеров, успевших принять участие в подавлении мятежа, – через год войска получают необходимую подготовку. Сложнее с командирами высшего звена – полковников и генералов взялся обучать Куропаткин, неплохо усвоивший те нововведения, что я вносил по ходу гражданской войны. Очень хочется надеяться – хотя бы по прошествии пары лет армия станет современным инструментом ведения войны!

Отдельной статьей идут земельные реформы и работа по созданию трудового законодательства. Промышленность развивать, конечно, надо, но не варварскими же методами! Те условия труда и отдыха, что созданы у Димыча в Стальграде, для остальных российских рабочих – сказка, мираж, несбыточный сон! То, что рассказал при последней встрече Бунге, не просто ужасно, а вообще не поддается описанию! Рабочих держат в казармах, точно каторжан, грязь, антисанитария, побои, удержания, вычеты, штрафы... Нет, ребята, это мы будем не то что менять, а каленым железом выжигать! И попробуй-ка мне кто бунтани! Транссиб райскими кущами покажется! Никель и кобальт с Таймыра нам тоже нелишними будут...

А что касемо земли, то тут непаханое поле! И община, и постоянная переверстка земли, и низкая агрокультура... Как говорится – начать да кончить! Так что дел нам еще предстоит – ог-го-го! И за что хвататься первым – пока сам не представляю.

И если еще вспомнить, что у нас на повестке дня – война с Японией, которую пока никто не отменял, а только отложили, то мое правление начинается весьма и весьма насыщенно. Даже, я бы сказал, – перенасыщено! Так что – здравствуй, жопа, Новый год...

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей)

Я смотрю на покрытые грязной пеной, но все еще лазурные волны бухты Нью-Харбор. Или как называют ее все мои подчиненные – Новой гавани¹¹. Заходящее солнце светит в правый висок, окрашивая стоящие в порту корабли в розовый цвет. Прямо напротив губернаторского дворца лежит покрытая густыми джунглями громада острова Пулау Блаканг Мати¹², прикрывающего бухту с южной стороны. На его западной оконечности прячутся батареи форта Силосо – шесть девятидюймовых орудий, две шестидюймовые противодесантные скорострельные пушки, казармы, склады, соединенные подземными ходами. Да, намучились мы с ними во время прошлогоднего штурма – почти полсотни солдат и моряков потеряли.

Для меня было неприятной неожиданностью узнать, что начатые в 1878 году работы по усилению береговой обороны Сингапура полностью завершены. Британские инженеры разместили форты по обе стороны от входа в Нью-Харбор. Они построили батареи Пазир Паньянг на полуострове Лабрадор и Силосо на Пулау Блаканг Мати. Крутые скалы

¹¹ New Harbour. С 1900 г. – Keppel Harbour.

¹² Ныне остров Сентоза.

и густые мангровые болота, окружающие эти фортификационные сооружения, действовали как отличные естественные преграды против нападающих. К тому же все укрепления великолепно вписаны в ландшафт и прекрасно замаскированы. Уже после захвата города я обнаружил, что форты связывает тоннель, проходящий под дном пролива.

Мало того – в 1881 году англичане установили минные заграждения в водах между двумя фортами и на восточном входе в гавань для дальнейшего усиления обороноспособности. Заякоренные мины располагались прямо под поверхностью воды. Для гостей Сингапура британцы оставили в минных полях безопасный канал, по которому суда проводили лоцманы. Судя по оставленным в кабинете командира гарнизона записям, заграждения регулярно меняли конфигурацию.

Все это делало Сингапур практически неприступной для штурма крепостью. Однако мы начали атаку из гавани. Впрочем, не вынуди меня англичане своим ультиматумом, да не утопи они первым же выстрелом пароход «Москва», эскадра благополучно бы покинула Нью-Харбор. Воевать в предложенных условиях очень не хотелось. Но когда твои корабли оказываются запертыми во вражеской ловушке, а со всех сторон смотрят тяжелые пушки, штурм – единственный выход из положения. Думаю, британцы сто раз пожалели о том, что загнали нас в тупик своим беспримерным по наглости предложением. Подумать только – нам предписывалось

снять с орудий замки и под конвоем английских судов следовать обратно!

А теперь хрен вам, «хозяева морей», по всей роже! Еще раз оглядываю стоящие в гавани корабли. Наша главная ударная сила – «Нахимов», «Корнилов», «Мономах» и «Донской». И здешнее приобретение – «Маринеско», бывший корвет НМФ¹³ «Аметист», а также три номерных двухсоттонных миноносца. Прибавилось быстроходных транспортов – было из чего выбирать, – перехвачено в море и захвачено в портах более семидесяти штук! К кораблям Доброфлота добавились «Москва» (бывший «London»), «Дон» (бывший «River Thames»), «Англия» (бывший «Sahara»), «Бурятка» (бывший «Princess of China»), «Бабка Лукерья» (бывший «Empress of India») и «Сингапур», чье название осталось без изменения.

Кроме этих трофеев, переименованных мной в соответствии с вызванными ассоциациями, склады ломаются от реквизируемого в Коломбо и Бомбее чая и кофе, риса из Калькутты, засоленной австралийской баранины. Хватает и полученного из тех же источников оружия и боеприпасов. Кроме этого, в Мельбурне прихвачены несколько замечательных станков: для проточки валов, для нарезания зубьев, для шлифовки внутренних поверхностей мотыля. Это нам все во Владивостоке пригодится. Вряд ли вопрос с Япони-

¹³ Her majesty fleet (флот ее величества) – официальное название британского военно-морского флота.

ей удастся решить без потерь, а корабли во Владике чинить просто не на чем.

Эх, Владик, Владик... И когда мы уже туда попадем? Полгода прошло – ни фиги себе путешествие затянулось! А в России сейчас зима, морозец... Здесь же, рядом с экватором, – вечное лето и сорок градусов в тени, не считая девяностопроцентной влажности.

Я отошел от распахнутого окна и сел за стол. Может, кликнуть вестового и спросить хинной воды? Но в дверь внезапно постучали и без вызова.

– Заходи! – разрешаю без особой радости. Чувствую копчиком, что предстоят какие-то неотложные дела, но совершенно не хочу ничего делать – так расслабляюще закат подействовал.

Входит Эссен¹⁴ в сопровождении начальника штаба Алексева¹⁵.

– Ваше высокопревосходительство! Час назад в порту отшвартовался немецкий пароход «Гамбург»! – вытянувшись в струнку, доложил Эссен. – На нем к нам прибыли гости...

– Ну, не тяните кота за яйца, Николай Оттович! – поощ-

¹⁴ Эссен Николай Оттович (1860–1915) – адмирал флота (1913). Командир броненосца «Севастополь» при обороне Порт-Артура. В 1909–1915 гг. – командующий Балтфлотом.

¹⁵ Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1901), адмирал флота (1903). Участвовал в ряде дальних плаваний, совершил три кругосветных похода, занимал должность наместника Дальнего Востока.

рительно советую я. – Кто такие, куда путь держат, чего хотят?

– Позвольте, я их сюда приглашу? – неожиданно спрашивает Эссен.

Это еще что за новости? На хрена мне немецкие купцы? Что-то Николай Оттович мудрит. За прошедшее с момента выхода из Питера время мне удалось немного выбить дурь, что завелась в его голове после общения с нашим обожаемым цесаревичем (ох, простите, уже императором!), но все-таки иногда в нем проскакивает этакое... вольнодумство. Что для человека военного – непростительно. Вопросительно смотрю на Евгения Ивановича, и тот едва заметно кивает. Мол, Эссен дело говорит.

– Хорошо, зовите! – обреченно машу рукой. Похоже, от неотложных дел не отвертеться.

В кабинет бодрым, почти строевым шагом заходит... мать моя, императрица!

– Да это же Шнирельман! – удивленно восклицаю я. – Мойша Лейбович, если мне не изменяет память?

– Так точно! – встав по стойке «смирно», рывкает бывший преподаватель электротехники в Гальваническом классе. Ничего себе выправка! Это кто же с ним так поработал? Неужели Димыч? Ведь я Шнирельмана в Стальграде оставил еще прошлой весной. В помощь Попову и Герцу.

– Какими судьбами, Мойша Лейбович? Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет! Вон креслице, – радушно пред-

лагаю я.

– Благодарю, ваше высокопревосходительство! – чека-нит Шнирельман, спокойно усаживаясь. А ведь при первой встрече, помнится, он при аналогичном приглашении едва на краешек стула присел – робел сильно. А теперь заметно, что человек исполнен чувства собственного достоинства. Да и по фигуре и лицу видно – окреп физически и морально. Возле рта жесткая складка залегла, глаза стали... как у снайпера в засаде.

– Как-то вы, Мойша Лейбович, по-строевому... Откуда таких манер набрались? – любопытствую я.

– В мае прошлого года записался в Стальградскую народную дружину! – огорошил меня Шнирельман. – Окончил подготовительные курсы, получил диплом пулеметчика.

– Ни хера себе! – вырывается у меня. – Ох, простите, господа! Да... это полезная школа жизни! А с чем к нам пожаловали?

– Вот письмо от его сиятельства графа Рукавишникова! – Мойша Лейбович протягивает мне небольшой запечатанный конверт.

– Александра Михайловича? Это когда он графом стал? – удивляюсь, проверяя целостность печатей. Хм, а символ на них какой-то странный – нечто, напоминающее микроскоп.

– В октябре прошлого года! – отвечает Шнирельман и, закатив глаза, цитирует: – В ознаменование выдающихся заслуг перед государством и в связи с днем ангела!

– Ну-с, посмотрим, что его сиятельство написать изволили... – достаю из конверта несколько листков бумаги.

«Превед, кроссавчегг!» – стоит сверху на первой странице. На секунду кажется, что реальность вокруг начинает мерцать. Но нет – показалось. Давненько ко мне таким образом не обращались! Ну, блин, Димыч и шутник! Впрочем – это отличная кодовая фраза. Сразу становится понятным – письмо действительно написано своим.

«Серег, ты в натуре крут, как вареное яйцо! Про твоё пиратство все газеты мира пишут. Маладца! Но мы здесь тоже на жопе ровно не сидели. По дробности в хронологическом порядке на следующих страницах (с пятой по двенадцатую).

А пока слушай сюда: Мойша прибыл, чтобы обеспечить тебя прямой связью с Москвой! На зафрахтованном нами пароходе с проверенной надёжной командой (не смотри, что немецком – это для отвода глаз), задекларированное как сельскохозяйственные машины, находится оборудование для монтажа радиотелеграфной станции. Мойша принимал в создании самое непосредственное участие и сам вызвался доставить её тебе, смонтировать, проверить и настроить. Так что – до связи в эфире!

Эх, чуть не забыл! На страницах со второй по четвертую – кодовые таблицы. Это на всякий случай – никто нас не услышит, но вдруг...

Подпись: Димыч.

P. S. А сейчас сюрприз!»

Ниже нарисован смайлик. И что за сюрприз может быть круче прямой радиосвязи на девять тысяч километров? Даже в мое время такое было на грани фантастики, пока не появились спутники. Да и вообще – не побоялся Димка письмо с таким текстом через полмира отправлять?

Внезапно листок бумаги словно беззвучно вспыхнул у меня в руках, секунда – и на пол сыплется невесомый пепел. Вот ведь, блин, шутник хренов!

Шнирельман едва заметно улыбается, видя мою секундную растерянность. Видимо, знал, чертяка, о «сюрпризе». Интересно, а остальные листочки тем же макарон не развеются? Я ведь быстро прочитать о произошедших в мое отсутствие событиях просто не успею. Да и коды...

– Не беспокойтесь, ваше высокопревосходительство! Остальные бумаги не прошли обработку химикатами! – словно читает мысли Мойша.

– Сколько тебе потребуется на монтаж оборудования?

– Четыре дня! – удивляет Шнирельман.

– Погоди-ка... – быстро прикидываю в уме. Чтобы сигнал был устойчивый, нужна высокая вертикальная антенна или большое антенное поле. Он тут собирается за полнедели башню типа Эйфелевой или Шуховской построить?

– Александр Михалыч предложил воспользоваться для подъема антенны аэростатом! – объясняет мои сомнения Мойша.

– Ага, понял – связь только по расписанию. Ладно, это

уже хорошо! Что тебе нужно? Люди, материалы, моральная поддержка?

Мойша усмехнулся уголками губ.

– Два десятка человек для разгрузки и доставки оборудования на место установки. И желательно, чтобы у них руки росли не из жопы. В ящиках – очень хрупкие предметы!

– Знаю, знаю! Радиолампы! – язвительно улыбнулся я. Мойша взглянул на меня, как на заговоривший портрет. Типа: мы это только полгода как придумали, а генерал-адмирал уже все знает. – Найдем рукастых, не беспокойся. Монтажники у тебя свои?

– Так точно! Бригада из двенадцати человек!

– А помещение для размещения оборудования тебе разве не нужно?

– Никак нет, ваше высокопревосходительство! Станцию разместим в специальном сборно-щитовом домике.

– Тоже Александр Михалыч предложил?

– Он самый! – кивнул Мойша. – Причем для Сингапура сделали облегченную конструкцию, а для России – утепленную и приподнятую на балках.

– Так вы и на родине радиотелеграф монтируете?

– Так точно! Попов развертывает станцию в Омске, при штаб-квартире великого князя Павла Александровича, а мы после вас поплывем во Владивосток.

– Это хорошо! – киваю одобрительно. – Теперь я не только с Москвой общаться смогу!

До этого счастливого момента связываться с друзьями приходилось круглым путем, через Филиппины и САСШ. Письма шли по два месяца. Поэтому о произошедших в России событиях имел крайне отрывочную информацию, составленную из доступных (при грабежах портовых городов) английских газет и того минимума, что Димка с Олегом сочли необходимым написать в депешах. Хорошо, что сейчас расщедрились.

Потому, думаю, было вполне понятно, что просто так отпустить «по делам» Мойшу Лейбовича я не собирался, решив хорошенько попытаться его обо всем, что случилось на родине за время моего отсутствия. Письменное изложение на нескольких страницах – это, конечно, замечательно, но рассказ очевидца – еще лучше. Но хитрый еврей, отговорившись почти постоянным сидением в Стальграде, ловко перевел стрелки на старшего стрелка своей охраны, непосредственно принимавшего участие во всех боях, начиная от «битвы» под Лихославлем и заканчивая капитуляцией британского экспедиционного корпуса. И пришлось георгиевскому кавалеру Алеше Пешкову, бывшему стальградскому дружиннику, а ныне ефрейтору лейб-гвардии бронекавалерийского Лихославльского полка добрых три часа рассказывать во всех живописных подробностях перипетии гражданской войны. Рассказчиком он оказался замечательным, образы создавал живописные, характеристики участникам давал объемные, сцены «экшена» искусно перемежал «лириче-

скими отступлениями», и я только под конец сообразил сопоставить имя и фамилию ефрейтора с известным мне классиком советской литературы.

– Алексей, а как тебя угораздило в Стальград попасть? – поинтересовался я.

– Так я с одиннадцати лет «в людях», ваше высокопревосходительство, а три года назад записался на завод господина Рукавишникова разнорабочим. Окончил вечернюю школу, техническое училище, стал работать токарем. Но больше всего мне военное дело полюбилось – рукопашный бой, стрельба из револьверов и винтовок. Этому нас, бойцов добровольной народной дружины, сам Хозяин и его помощник Еремей Засечный учили. Так в стрельбе из пулемета я таких успехов достиг, что Ляксандра Михалыч приказал меня во внутреннюю дружину перевести, что караулы по всему заводу несла. Слова мне еще тогда странные сказал: «Кто же тебя горьким назвал, сладкий ты мой?» Ну, Хозяин наш шутник-то известный.

Я громко рассмеялся – настолько фраза из старого анекдота диссонировала с подтянутым молодцеватым видом сидящего передо мной солдата.

Получив исчерпывающую информацию, не стал больше задерживать несостоявшегося пролетарского писателя (хотя кто его знает, может, еще и состоится? Напишет роман «Отец»...), распорядился разместить всю прибывшую команду на берегу и поставить их на довольствие.

Радиопереговоров ждал, как божественного откровения, – ночами не спал, предвкушая разговор. Я им, балбесам, все выскажу. И про тактику, и про стратегию, и про остальные премудрости. Да имей я в своем распоряжении те силы, которыми так бездарно распоряжались мои друзья, военные действия сейчас бы велись непосредственно на Британских островах!

Видимо, ребята тоже горели желанием пообщаться, так как при первом (после пробных прогонов) сеансе связи император Николай и Рукавишников присутствовали лично. Из-за этого получился почти телефонный разговор – радисты в целях экономии времени вели передачу без шифрования.

[11:27:31] Сингапур: У аппарата ГА Алексей.

[11:27:42] Москва: У аппарата ЕИВ Николай, Рукавишников.

Из-за присутствия радиотелеграфистов приходится общаться в рамках официоза:

[11:27:53] Сингапур: Здравия желаю, ВИВ!

[11:28:02] Москва: И вам не хворать, дядя!

Так и вижу ехидную усмешку Таругина – нашел, блин, дядю!

[11:28:09] Москва: Как самочувствие людей и состояние техники? Хватает ли медикаментов, продуктов, боеприпасов?

[11:28:22] Сингапур: Больных малярией 13 человек, ме-

дикаментов и продовольствия хватает с избытком. Состояние техники крайне плохое. Практически восьмидесятипроцентный износ судовых машин. Что можем – ремонтируем на месте, но не хватает запасных частей. Я посылаю вам список необходимого два месяца назад.

[11:28:52] Москва: Список получили. Давай сверим!

[11:28:57] Сингапур: Давай! Нужны: рабочие и инженеры с Балтийского завода.

[11:29:11] Сингапур: Матросы.

[11:29:15] Сингапур: Офицеры.

[11:29:19] Сингапур: Провиант.

[11:29:25] Москва: Ты говорил, что провиант в Синге есть.

[11:29:38] Сингапур: Рис задолбал.

[11:29:52] Москва: Гречку прислать?

[11:30:12] Сингапур: Главное – муку. Ржаную. Хлеба хотим. Черного. А так и гречку тоже.

[11:30:34] Москва: Понял.

[11:30:38] Сингапур: Эскадра полгода в боях. Кончилось все. А то, что есть, – паллиатив военного времени.

[11:30:46] Москва: Понял.

[11:31:09] Сингапур: Броневые плиты различной толщины и размеров.

[11:31:27] Сингапур: Новые трубки для котлов.

[11:31:44] Сингапур: Хорошо бы новые котлы взамен поврежденных и изношенных.

[11:31:56] Москва: Это вряд ли.

Вполголоса матерюсь, а радиотелеграфист машинально отбивает ключом все мною сказанное:

[11:32:04] Сингапур: Мать вашу через [удалено цензурой] и долго [удалено цензурой], перевернув кверху [удалено цензурой].

Только через полминуты радиоволны доносят поставленную за сольное выступление оценку:

[11:32:46] Москва: Живописно!

Представляю, как ребята там ржали. Ладно, продолжим...

[11:33:04] Сингапур: Снаряды.

[11:33:14] Сингапур: Патроны к стрелковке.

[11:33:23] Сингапур: Орудия взамен выбитых.

[11:33:31] Москва: Хорошо.

[11:33:58] Москва: Через неделю к вам прибудет пароход. Тоже «немецкий», как предыдущий. На нем запчасти по списку, ремзавод, боеприпасы, медикаменты, оружие, топливо, моторные лодки.

[11:34:06] Сингапур: Можно подробнее?

[11:34:09] Москва: Ну, сам напросился. Лови!

[11:34:12] Москва: [Опись груза.]

[11:42:06] Сингапур: А люди?

[11:42:28] Москва: Две бригады ремонтников, всего 48 человек, из них три инженера. 146 матросов, 22 офицера. Два специалиста от Альбертыча, один от Васильчикова.

[11:42:55] Сингапур: Понял. Без комитетчика никак?

[11:43:12] Москва: Порядок должен быть.

[11:43:35] Москва: Как там «Маринеско»?

[11:43:42] Сингапур: Захваченный корвет «Аметист» – старая рухлядь, построенная в 1871 году. Им только туземцев пугать. Его бы уже списали, если бы не мы.

[11:43:42] Москва: А я-то думал...

[11:48:38] Сингапур: До «Аметиста» класса «Самоцветы» еще пятнадцать лет!

Не удержался, сказал в сердцах. Таругин ни хрена по флоту не помнит, вот и нафантазировал себе нечто. Радиотелеграфист покосился на меня удивленно. Мол, адмирал может видеть будущее?

На другом конце эфирного моста молчали целую минуту. Видимо, усваивали информацию.

[11:50:17] Москва: Давай об англичанах. Они тут на нас с предложением мира вышли. Чего бы от них потребовать в качестве компенсации морального вреда?

[11:50:42] Москва: Кроме денонсации Парижского договора 1856 года и острова в Индийском океане, как ты в письме предлагал?

[11:52:36] Сингапур: ХЗ.

[11:52:37] Москва: Надо.

[11:52:40] Москва: Для торга.

[11:53:53] Москва: Мы тут уже целый список репараций составили.

[11:53:59] Москва: Денег требуем. Сто лимонов. Фунтов.

Золотом.

[11:54:03] Москва: Тебе какое-нибудь специальное оборудование нужно?

[11:54:10] Сингапур: Надо подумать.

[11:54:17] Москва: Земли под базы ВМФ?

[11:54:26] Москва: В смысле – еще островов.

[11:57:07] Сингапур: Можно запросить Ямайку.

[11:57:11] Сингапур: Под настроение.

[11:57:58] Сингапур: А самим потихоньку обустроиваться на датских островах.

[12:03:15] Москва: Может, лучше о. Св. Елены? Или Ирландию? Все равно ведь не отдадут.

[12:04:31] Сингапур: Пофиг.

[12:04:52] Сингапур: Но лучше запросить побольше, а потом, когда они оху... [удалено цензурой] сильно удивятся – поторговаться и сбавить. Мы сейчас их за яйца держим – можем хоть бриллианты из королевской короны требовать. В общем, я подумаю.

[12:05:22] Москва: Ну, думай. Время есть. Союзнички предлагают помирить – приглашают поучаствовать в мирной конференции. В Париже.

[12:06:03] Сингапур: Когда?

[12:06:12] Москва: Не скоро. Пока соберутся да регламент обсудят – лето или осень текущего года.

[12:06:51] Сингапур: Понял. Буду иметь в виду.

[12:07:07] Москва: Ты точно не хочешь Синг оставлять?

[12:07:43] Сингапур: Точно. Все равно, пока во Владике бухта ото льда не очистится, мне здесь сидеть.

[12:08:17] Москва: И японцев нагибать не передумал?

[12:08:33] Сингапур: Нет.

[12:09:01] Москва: Ладно, тебе виднее. Только без фанатизма!

[12:09:28] Москва: Конец связи.

[12:09:34] Сингапур: Конец связи.

Вот и поговорили...

Рассказывает Илья Дорофеев (Владимир фон Шенк)

Вот уж не думал, не гадал, ешкин дрын, что когда-нибудь буду носить имя мифологического персонажа. Разрешите представиться, господа: товарищ Кухулин, командующий Ирландской республиканской армией.

Начиналось все достаточно прозаически. После громкой и скандальной истории с недоутопленным лакеем пришлось оставить военную службу и отправиться за океан с простейшей задачей: сформировать отряды ирландских добровольцев, вернуться на Зеленый остров и устроить английским оккупантам веселую жизнь. Всего-то делов, ешкин дрын, ни больше ни меньше. В активе финансовая помощь Его Высочества цесаревича, опыт генерал-майора ГРУ, молодость тела. В пассиве все остальное.

Большой путь начинается с малого шага – прибыв в Бостон, вычислил район проживания ирландской диаспоры. Где собираются и общаются, не скрывая мыслей и чувств, настоящие мужики? Правильно, в пабах. Например, в «Фиолетовом трилистнике». А теперь достаточно только завести приятелей из соответствующего контингента да разобраться в оперативной обстановке, что при наличии денег и умении дружелюбно и заинтересованно слушать и сопереживать совершенно не является проблемой.

Послушать было что. После устроенного англичанами тотального геноцида в пятидесятых годах «просвещенного» девятнадцатого века, когда в Ирландии умерло от голода, болезней и массовых расстрелов более миллиона человек, много ирландцев предпочли эмиграцию каторге и смерти, укрывшись в Новом Свете. У парней хватало смелости, решимости, любви к родине, ненависти к оккупантам. Не было главного – вождя и боевой организации.

Как возглавить новое движение? Первоначально я рассчитывал на зажигательные речи в лучших традициях неукротимого Фиделя. Благо, и слушать его на митингах доводилось неоднократно, да и пожать руку, ешкин дрын, простому военному советнику в чине старлея товарищ команданте не брезговал. Только в дело вмешался случай...

Ирландский виски – продукт, конечно, неплохой, но против нашей водочки... не тянет, прямо скажу. А молодость гусарского тела и без малого полувековой опыт поправки здоровья дают результат, сильно выделяющийся на фоне хоть и крепких, но не отличающихся опять же правильной организацией употребления парней. Уж не помню, по какому случаю мы в тот раз набрались (да и подраться успели раза три), но, видя меня почти вменяемого, причем сохраняющего вертикальное положение, в то время как большинство собутыльников мирно дрыхли, уронив вихрастые рыжие головы на заляпанные столы, хозяин паба и он же по совместительству бармен О'Лири, крепкий дедок лет шестидеся-

ти, покачал головой и глубокомысленно выдал:

– Влад, ты не русский! Так могут пить только ирландцы.

Признайся: ведь были в роду предки из нашего народа?

– Конечно, не русский! Я остзейский барон! – ответило вместо разума «тело».

Видать, ешкин дрын, по пьяной лавочке гусарский корнет фон Шенк берет надо мной верх! Причем на этом гордом заявлении «тело» не остановилось, начав перечислять всех своих благородных предков. О’Лири только обалдело кивал, выслушивая длиннющий список имен. Внезапно на десятом колене лицо бармена изменилось, и он, жестом прервав мой монолог, попросил:

– Влад, повтори, пожалуйста, как звали твоего предка, который приплыл на берега Балтики вместе с викингами!

– Маклинн! Его звали Маклинн! Думаю, что он был шотландцем.

– Нет, – тихо, но твердо сказал О’Лири. – Мак в переводе с гэльского – сын. А Линн – один из самых старых наших кланов. Выходит, я не ошибся – ты действительно имеешь ирландские корни!

Опаньки! А вот это уже серьезно! Спасибо тебе, гусар, за неожиданную помощь – теперь я для этих ребят не просто случайный собутыльник, иностранец, сочувствующий их борьбе с английскими оккупантами. Чем крепки эти парни – так это родственными связями и клановыми отношениями.

Уже на следующий после пьянки день народ в баре О’Ли-

ри знал новость. Ко мне постоянно подходили какие-то незнакомые мужики, одобрительно хлопали по плечу, чокались кружками и стаканчиками. И стал с этого момента отставной российский корнет для изгнанников полностью своим, да с фамильным авторитетом кланов за плечами.

Была, правда, еще одна проверка – бой на мечях. Притащили и в Америку свои фамильные ценности, берегущие память о предках. Моим противником оказался ражий детинушка, в мирной жизни работающий грузчиком в бостонском порту. Схватку организовали в старой конюшне, где в иное время устраивали кулачные бои, прообраз профессиональных боксерских поединков. Что интересно – всем процессом руководил все тот же бармен О’Лири, местный авторитет.

Удар, блок, клинок противника проскальзывает, а мое лезвие останавливается у его горла. Еще атака, еще пара финтов, и чужой меч вылетает из сильной, но не изощренной фехтовальной школой руки, а мой упирается в грудь. Ну, где ему? Меня ведь настоящие профессионалы учили: в гусарском полку месье Рабиньяк, потомок наваррских королей, перебравшийся в Россию после Великой французской революции, а в «той» жизни старшина Петренко, бывший смершевский «волкодав». Зрители, а посмотреть на «дуэль» собралось два десятка мужчин, одобрительно шумят.

– Достаточно, воины! – перекрывая шум, командует О’Лири.

Парни получили последнее доказательство моей «ирландскости», а я – вышитую чьей-то женой эмблему фамильных цветов клана Линн.

Дело пошло на лад. Мои искренние чувства, ораторское мастерство и методы политтехнологий вкупе с возможностью и желанием финансировать освободительную борьбу дали необходимый результат. Посражавшись в фракционных склоках (не зря дедушку Ленина прилежно конспектировал, ох не зря), продавив свою точку зрения и набрав три десятка горячих сторонников, через пару месяцев пересек на далеко не белом пароходе океан, вернувшись на родину. Да. С этого момента именно родину, потому что в дело надо верить по-настоящему.

Джон О’Лири, открывший в портовом Дублине новый паб, принял на себя обязанности резидента. Базу создали неподалеку – в горах Уиклоу. Первичной ячейкой организации будут пятерки – метод проверенный. Потом прошедшие проверку боем ребята сами станут командирами пятерок, а наиболее талантливые – координаторами сетей.

Подобно партизанскому движению в Великую Отечественную, мы сделали ставку на помощь беспощадно угнетаемых лендлордами, потерявших родных и близких крестьян. Небольшая денежная помощь из русских средств, защита от управляющих поместьями лендлордов (пришлось кое-кого показательно покарать) – и окрестное население стало нашими преданными разведчиками и снабженцами.

Первый осязаемый удар нанесли уже через месяц. Пропустивший сквозь свои застенки не одну тысячу патриотов, полицейский участок в Уэксфорде неосмотрительно оставил камеры пустыми, отправив очередных «постояльцев» на ка-торгу и виселицу. Счет к полицейским очень высок, мои парни просто горели ненавистью, забывая об осторожности. Но первое серьезное дело должно быть громким, воспитательным и без потерь. Поэтому я, проведя на месте будущей акции возмездия командирскую рекогносцировку, несколько дней разрабатывал план.

...Сухо щелкнул выстрел из «Кистеня» с глушителем, и полицейский у двери, получив пулю в сердце, свалился безвольной куклой. Счастливчик – он умер легко и быстро. Повинуясь бесшумным командам, вперед вышли гранатометчики, запалили фитили на бутылках и метнули стеклянную тару в окна. Никаких сеток и решеток – не пуганы и не научены. Звон, вспышки жадного коптящего пламени, первые жуткие крики. Да, коктейль Молотова прост в изготовлении и страшен при применении по живой силе. Вторая серия, третья... Двухэтажное здание полыхает, как вязанка высушенного хвороста, воздух раздирают вопли заживо сгорающих, звонко щелкает черепица, трещат деревянные стены. Превратившиеся в комки огня человеческие тела пытаются выскочить в окна, выбежать в двери... Выстрелы из «Кистеней» и «Клевцов» обрывают мучения. Однако треть моих храбрых бойцов блюет на улице.

Хорошо, что вопрос отступления тщательно продуман заранее, поэтому из городка убрались без потерь. В полузаброшенном сарае верхних полчаса вставлял ума соратникам, доходчиво объясняя, какая их ждет теперь война. Да, говорил и раньше, но любые слова легки, пока не подкрепляются делом. Кросс на пределе выносливости к месту базирования подвел итог и дал необходимую психологическую разгрузку.

Через полмесяца прибыл долгожданный корабль с вооружением «от товарища Рукавишникова товарищу Кухулину». Мы получили ручные пулеметы, винтовки, револьверы, гранаты и, разумеется, деньги. С ними прибыли два инструктора: офицер князя Васильчикова ротмистр Михайлов и казак-рукопашник урядник Лихопляс. На новый уровень поднялись тренировки – втроем мы показали курсантам, что такое настоящие нагрузки. Михайлов взял на себя контрразведывательные мероприятия, Лихопляс – организацию комендантской службы. Буквально за неделю базовый лагерь окончательно обрел строгие военные черты, добавились учебные места.

Дополнительным обстоятельством, делающим жизнь полиции гораздо интересней, явилось использование в акциях закрывающих лицо шапочек-омонок, цветных повязок на рукавах для опознавания в бою своих, и системы боевых жестов и знаков.

Деньги от Его императорского Высочества – это, конечно, замечательно. Но зачем отказываться от самокупаемости в

богатой Англии? Пришла пора познакомить банковское сообщество с революционными экспроприациями в лучших традициях товарищей Кобы и Камо! С поправкой на опыт конца двадцатого века, разумеется.

– ... На пол! Лежать! Кто дернется – смерть!

Страшные фигуры в черных масках с зелеными повязками на левой руке, лежащие в ужасе на полу посетители, труп полицейского в растекающейся луже крови, трясущиеся банковские служащие.

– Мне нужны ключи от хранилищ! – тихим скучным голосом объявляю я. – Кто начинает говорить первым, тот живет дольше!

Судя по перекошенной праведным негодованием роже управляющего, клиент еще не пуган.

– Да как вы смеете?!

Бах! На полу прибавляется еще один труп.

«Тяжелая пуля в лоб прекрасно закрывает рот», – каламбур от Аль-Капоне.

– Ответ неправильный! – голос из-под маски пугающе спокоен. – Вопрос тот же: мне нужны ключи от банковских хранилищ!

Горячее дуло «Кистеня» прикасается ко лбу старшего кассира. О, а этот клиент уже готов! Трясущимися руками господинчик протягивает мне большую брэнчащую связку.

Через полчаса две кареты увозили пятерку налетчиков с полными мешками. В банке остались два трупа и надпись

красным на стене: «IRA». Очень доходчивое сочетание.

Возить деньги специальными экипажами – довольно опасный, но высокооплачиваемый труд. После нашего вмешательства он стал предельно опасным и на фоне этого недостаточно оплачиваемым. Отказываться выдать деньги налетчикам в характерных масках и с повязками на руках подобно игре в «русскую рулетку» с полным барабаном. Достаточно было положить два экипажа инкассаторов и охраны в полном составе, как остальные стали в разы сговорчивее.

Решив финансовый вопрос, нормально натаскав первую тридцатку, приступили к расширению дела. Конечно, можно ждать пароходы из Америки, но зачем? Практически каждый ирландец в возрасте от тринадцати лет горит желанием стать добровольцем ИРА. Отобрали сразу шестьдесят человек и параллельно с учебой приступили к обеспечению безопасности базы. Есть такое понятие: «договорная зона». Грамотно простимулированное официальное английское управление страдает поразительной слепотой, а повстанческие элементы не реализуют здоровые устремления там, где живут. Докладываю: наша стимуляция оказалась исключительно правильной. Конечно, в первое время гробы несколько подорожали... но потом на смену идейным, тупым и упертым пришли понятливые и вменяемые чиновники с гибким и прогрессивным мировоззрением. Так и хочется сказать: либеральные, толерантные и политкорректные, ешкин дрын.

Управляющие поместьями лендлордов после поразивше-

го их «морового поветрия» в виде отравления пулевым свинцом тоже сочли состояние превентивного неурожая вполне естественным для земель Зеленого острова. Конечно, полиция не отличалась подобной сговорчивостью, но умирать за одну зарплату... Развернувшийся во всю широту необозримой русской души Михайлов внедрил положенную агентуру, обеспечил контрразведывательные мероприятия. Любой новый человек, появившийся в радиусе сорока миль от лагеря, немедленно засекался местными жителями, а потом быстрогоногий мальчик приносил весть, подкрепленную недурственным словесным портретом незнакомца. И огромную роль в функционировании системы играло то, что за продукты питания мы исправно платили. Крестьяне не спрашивали, откуда берутся деньги. Все знают, что товарищу Кухулину их дают лепреконы.

«Политико-воспитательная работа является неотъемлемой чертой поддержания высокого боевого духа». Звучит казенно? А вот болеющий за свою воинственную паству католический священник стоит больше, чем корабль с оружием. Нам подошел только третий, поскольку с первыми двумя произошли несчастные случаи по причине профессиональной непригодности и непонимания политики партии. В общем, этот грех я взял на себя. Но принявший необычный приход третьим отец Максуйн оправдал самые лучшие надежды, не говоря о том, что оказал неоценимую помощь контрразведке, сохраняя, впрочем, тайну исповеди.

Список наших дел рос стремительно. Освобождение и отправка в Америку заключенных, разгром полицейских участков, ликвидация наиболее одиозных чиновников колониальной администрации (индивидуальный террор – очень доходчивая штука), уничтожение карательных воинских команд возле городка Кипкенни.

...Просматриваемая почти насквозь дубовая роща, казалось бы, не представляла опасности, но боевая пятерка ИРА укрылась именно в ней – полученные от осведомителя лейтенантом Тейлором данные были однозначны. Конечно, «безликие» достаточно опасны, но не для шести десятков солдат Ее Величества. Держа наготове оружие, первый взвод углубился под тень лесных великанов. Минуты через три после того, как солдаты скрылись за густым подлеском, оттуда донеслась частая ружейная пальба. Настолько частая, что казалось – там стреляет несколько десятков стволов. До этой минуты англичане никогда не слышали «голос» пулемета.

Взвод, попавший под перекрестный огонь двух «Бердышей» и пули сидящих на деревьях «бекасов»¹⁶, перестал существовать в считанные секунды. Никто из солдат даже не успел выстрелить в ответ. Затем на полянке, ставшей «полем смерти», появились быстрые черные фигуры в масках. Хлопки револьверных выстрелов – быстрый контроль, и бойцы ИРА растворяются среди листвы.

Как поступит обычный пехотный командир в таком слу-

¹⁶ Снайперов. Snipe (англ.) – бекас.

чае? Правильно: выдвинется к месту гибели попавших в засаду солдат. Выдвинется и постарается оказать помощь плюс захочет разобраться в происшедшем. Может быть, лейтенант Тейлор и успел что-то понять. Но вот рассказать о еще одной смертоносной новинке, именуемой «двойная засада», он точно никому не смог. Пулеметные очереди, взрывы самодельных ручных гранат, пули сменивших позиции «бекасников»... Финита.

Со вторым подразделением – полноценной ротой при двух пятнадцатифунтовых орудиях – пришлось немного повозиться. Целый день снабженные биноклями разведчики аккуратно отслеживали их путь, пока умаявшиеся в карательном походе вояки не встали лагерем у берега протекающей через местечко Терлес реки. Четыре утра, самое тяжелое время дежурства. Дозорных бесшумно вырезали ирландские пластуны урядника Лихопляса, а рванувшиеся к беззащитным палаткам гранатометчики под прикрытием снайперов мгновенно превратили спящую тишину в полыхающий и взрывающийся филиал ада. Кинувшихся в разные стороны горящих солдат встречало избавление от мук в виде кинжального пулеметного огня с трех сторон. В завершение эффектно рванул боекомплект орудий.

Конечно, англы не оставляют попыток ликвидировать одиозную фигуру. Убийцы с ядом, адскими машинами, компактными стволами (уже со брал нехилую коллекцию) и острым железом идут потоком. Попытки вербовки моих сто-

ронников, внедрения агентуры осуществляются с завидным упорством. Только методам контрразведки меня учили зубры из СМЕРШа, а уж у них противники были в разы покрупче. Агенты кололись на связи, на предпочтениях в еде, по итогам незаметных, но дотошных обысков, на фальшивых непроработанных легендах. Парни Михайлова, как и он сам, бодрости не теряли и свою задачу выполняли идеально.

Графство Ленстер только номинально считается находящимся под управлением Британской короны. На самом деле там правят мои люди. Та же судьба в ближайшее время ожидает графство Манстер. В тренировочных лагерях как пунктах постоянной дислокации находится по десять боевых пятерок, остальные регулярно прибывают на тренировки и для совершения акций. Пора переносить боевые действия на территорию противника!

Больше трехсот боевиков перебираются на Британские острова. В Лондон, Бирмингем, Ньюкасл, Ливерпуль. Начнутся мелкие диверсии на военных заводах. Но в основном мои люди приглядываются. Чего не скажешь о политическом терроре!

Лондон мгновенно превратился в город с самой насыщенной криминальной хроникой. Ни один, даже самый высокий пост не является защитой от меткой пули и отточенной стали. Финские ножи, револьверы, винтовки, растяжки, просто гранаты и коктейль Молотова в окна... Ухищрения, предпринимаемые живыми мишенями, требовали определенно-

го напряжения ума, но столетняя разница в опыте проведения терактов не оставляла врагам шансов. Расправляясь с «ястребами», мы не забывали оказывать нужное давление на умеренных политиков. «Вы не трогаете нас, мы оставляем в живых вас» – основная идея ночных диалогов трясущихся от ужаса лордов в исподнем с неожиданными гостями.

Не от большого ума ряд депутатов на заседании парламента предложил использовать систему взятия и казни заложников. К слову, действия пытающихся подавить национально-освободительную борьбу врагов уже и без этого мало чем отличались от зверств немецко-фашистских оккупантов на советской земле. Англы жестоко поплатились – на всех инициаторов нового законопроекта началась настоящая охота. Их находили и уничтожали по всей Англии. Не спасали стены уединенных поместий и десятки охранников.

Сорвавшейся с цепи английской прессе были противопоставлены изощренные методы информационной войны. Серия интервью журналистам ведущих лондонских газет: мы не грабители и убийцы, мы мстители. И список злодеяний англичан, за которые мы их караем. И вдобавок небольшое предупреждение акулам пера: переверете хотя бы одно слово, господа, – уничтожим вас и ваших близких, а здания газет сожжем! Листовки с аналогичными текстами. Для солдат, чиновников, обывателей. Очень многое можно сказать даже в нескольких предложениях.

...Марш вдов. Пятитысячная колонна ирландских жен-

щин в траурных одеждах с плакатиками, на которых были написаны имена погибших за свободу и умерших от голода отцов, сыновей, братьев. Единственные мужчины в колонне – католические священники. Весь путь по улицам женщины пели псалмы полными горя и печали нежными голосами. Прохожие плакали и присоединялись к колонне. Находились те, кто хотел запретить и прекратить. Но на защиту от полиции встали сами полицейские. Раскаяние – великое чувство. Уволенные со службы, многие из них впоследствии пополнили наши ряды.

Конечно, моя власть в отряде является абсолютной. Но никогда не стоит упускать случай укрепить авторитет. На очередную идею навела заметка в газете о выставке регалий в Британском музее.

– ... Сэр, к вам посетитель.

Подписав очередные акты приема экспонатов из Египта, господин директор уточнил у секретаря:

– Цель?

– Прошу прощения, сэр, пожертвования.

– Хорошо, пригласите.

Не люблю тянуть кота за хвост – войдя в кабинет, достаю из оперативной кобуры «Кистень» и кладу его на стол перед собеседником.

– Сэр? – Он удивленно вскидывает на меня глаза.

– Я Кухулин, командующий Ирландской республиканской

армией!

– Но, сэр... – Директор в растерянности замолкает, не зная, как выразить сомнение в словах вооруженного гостя. Просто сейчас я не похож на портреты, напечатанные во всех газетах: на мне накладные рыжие усы, такие же брови, глаза прячутся за стеклами затемненных очков. А зачем давать рассмотреть себя вблизи свидетелю, которого я не планирую устранить? Да-да, оставляю в живых. Не из гуманизма, а в чисто рекламных целях. Мол, вот такой он, наш дракон, – строгий, но справедливый...

Неторопливо достаю из внутреннего кармана глушитель и ставлю его на револьвер. Выстрел звучит негромко, но в столешнице образуется дыра, а лицо визави обдаёт щепками.

Директор бледнеет и отшатывается, насколько ему позволяет спинка стула. Вот теперь поверил – такая штука, как бесшумный револьвер, имеется только у меня! Об этом полезном приспособлении много пишут в газетах. По слухам, глушитель пытались воспроизвести очень многие, начиная от лондонских налетчиков и заканчивая британскими военными, – тщетно!

– Что вам угодно, сэр? – испуганно блеет важный господин. Как бы кондратий не хватил бедолагу.

– Я пришел за тем, что принадлежит моему народу по праву!

– Н-но, сэр?..

– Или я получу регалии ирландских королей в вашем ка-

бинете, или мы возьмем их сами. Во втором случае вы станете последним директором Британского музея, а сегодняшний день – последним днем существования самого музея.

– Сэр, здесь собрано достояние всей мировой культуры!

– Которое было захвачено солдатами Ее Величества силой. Говоря просто – узаконенным вашей королевой разбоем.

Щелкаю крышкой часов:

– У вас тридцать секунд на принятие правильного решения. Постарайтесь не ошибиться.

Через неделю в Лимерике представители древних кланов Макмурроу, О’Брайенов, О’Нейлов, Маклафлиннов и О’Конноров гадали, зачем они собраны в неприметном доме. Зайдя в комнату, здороваюсь (гэльское наречие дается все лучше) и приглашаю в зал.

Вы видели, как плачут пожилые, видевшие жизнь и имеющие власть мужчины? Даже у меня, старого циника, дрогнуло сердце. Не вытирая слез, они нежно гладили лежащие на подушечках клановых расцветок родовые мечи и короны.

«Ирландия, любовь моя...»

Джон О’Лири выполнил мою просьбу – нашел по-настоящему великого поэта. Уильям Батлер Йейтс, совсем молодой человек с горящим сердцем и огромным талантом. Романтика партизанского лагеря, беседы с бойцами, участие (под строжайшим контролем) в боевой операции, проповеди наших священников... Что еще надо, чтобы упавшие на благо-

датную почву семена дали обильные всходы?

Разве что вождь. Неуловимый и беспощадный, уничтожающий врагов и помогающий друзьям, герой своего народа. В общем, Кухулин. Парнем занимались умело, деликатно и продуманно, сочетая эффектные и эффективные методы. Результат не заставил ждать.

«Слышишь мерную поступь? Это воинов твердый шаг!»

Стихи, поэмы, баллады.

«Ирландия, ты будешь свободной! Пусть духом воспрянет мой гордый народ!»

Пришлось обеспечить его охраной – англичане далеко не дураки и быстро подсуетились, назначив за голову Уильяма кругленькую сумму.

«Бей, ливень пуль! Жги, яростный огонь! Пришло на землю отомщенье!»

Массовый приток добровольцев становится проблемой. К середине лета количество бойцов ИРА достигло тысячи, организовано еще два тренировочных лагеря. В церквях вместо проповедей священники читают его стихи. Очередной корабль из России привез уже шестнадцать инструкторов.

И тут грянул гром – пришло сообщение о покушении на российского императора и его семью. Сначала я подумал на Альбертыча, решившего расчистить дорогу к трону для Олега. Но вскоре выяснилось, что цесаревич не погиб при покушении только чудом. А после из России пошли со всем странности новости: великий князь Владимир объявил себя

императором, а цесаревича самозванцем. В конфликт решило вмешаться английское правительство. Бо-о-о-о-о-ольшая ошибка!

Ввод в Россию английского оккупационного корпуса я воспринял как личный вызов. Для бойцов ИРА тоже не секрет, кто является преданным и честным союзником. Как вывод – пули полетели гуще, а гранаты начали взрываться чаще.

Кстати, железные дороги Англии (лучшие для этого времени) отчего-то пребывают в излишней расслабленности. И о ужас! В английском языке отсутствует словосочетание «рельсовая война». Непростительное упущение. Тренировки парней тоже с чего-то надо начинать. Например, с перебрасываемых в Дувр войск.

...Перед меловыми скалами побережья паровозик, тянувший колонну двухосных вагончиков, дал гудок и стал набирать ход. Инерция и скорость сыграли против батальона пехоты, когда взрыв мины снес пару метров железнодорожного полотна, отправляя воинский эшелон под откос. Грохот, лязг разрываемой стали, вопли гибнущих солдат... Через пять минут воплей заметно добавилось – гранатометчики забросали место катастрофы бутылками с коктейлем Молотова. Истощенные крики за спиной заставляли даже видавших виды бойцов вздрагивать и нервно оборачиваться. Записавший на свой счет очередное дело, отряд без потерь покидал место диверсии.

Следующей жертвой стал набитый войсками транспорт в том же Дувре. Кто следит за работой грузчиков? Конечно, официальное лицо имеется, но в тот день оно было занято исключительно мыслями о ценности своей никчемной жизни. В итоге в форпик корабля попали весьма огнеопасные и взрывоопасные предметы (не надо технику безопасности нарушать. Хочешь жить долго – сиди дома, а не шастай за моря на чужие земли узурпаторов поддерживать), снабженные часовым механизмом. Пожар в открытом море повлек панику и давку – плохо у джентльменов с воинской дисциплиной. Полагаю, необходимо прививать соответствующие навыки. Регулярными тренировками, к примеру.

Судя по оперативным данным, спастись удалось немногим. Соответственно, цена головы «личного врага Короны» опять поднялась. Если бы только не запрет современников... Устроить парням экскурсию по Букингемскому дворцу и вырезать на сувениры королевскую семью – как два пальца об асфальт. Но большая политика пока не нуждается в элегантном и обаятельном слоне для горшков своей посудной лавки. Пока...

Получившее громкую, имеющую мощный политический резонанс оплеуху правительство Великобритании попыталось реабилитироваться – начались повальные аресты всех лондонских ирландцев. Девяносто девять процентов из них абсолютно непричастны, хотя многие сочувствуют делу освобождения. Но в сети попались и наши связники. Звер-

ствующим полицаям мы делаем предложение не усердствовать, а то подобная любовь к своей работе может дурно сказаться на здоровье. Некоторые пересматривают свои поступки, аресты с их участием теперь, как правило, заканчиваются бегством арестантов, но большинство полицейских продолжают упорствовать. Разумеется, я этого ждал.

Берется чугунная крышка от котла. Ровным трехдюймовым слоем на нее наносится взрывчатка. Пропитанное экологически чистым костным клеем (чем вонючей – тем крепче) тонкое хлопчатобумажное полотно производит первоначальную фиксацию конструкции. Сверху на незасохшем клее аккуратно раскладываются поражающие элементы, к примеру, обычные пули. Лучше всего с работой справляются женщины. Первый слой, снова фиксирующее полотно и второй слой. Последний кусок липкой и «благоухающей» ткани, изделие отправляется на просушку. Что получили? Новое оружие, несущее смерть. Мину направленного действия.

Лондон невысшим без кеба. Поэтому никого не удивил очередной подъехавший к зданию Скотленд-Ярда экипаж, разве что встал он несколько неудачно. В определенный миг, сделав резкое движение рукой, кебмен спрыгнул на землю и рванул за угол. Грохот мощного взрыва, вой поражающих элементов, нашинкованные в винегрет трупы руководителя оперативной группы по ИРА и его ближайших помощников. Суматоха, крики, пальба в воздух, к месту происшествия собираются полицейские, многие детективы выходят из по-

битого пулями здания. Толпа блюстителей британского закона представляет собой прекрасную групповую мишень. С незначительным временным расхождением взрывы разносят еще два фальшивых кеба. Зрелище не для слабонервных: то, что осталось, лучше собирать совковыми лопатами. Буквы «IRA» и листовки на соседних улицах просветляют даже тупые полицейские мозги.

Новое имя «Смерть-Кухулин» не доставляет мне особого эстетического удовольствия, но позволяет с гораздо большей эффективностью вести необходимые переговоры.

Кстати, мины направленного действия оказались прекрасным подспорьем в разгроме отдельных английских гарнизонов в Ирландии, как, впрочем, и противопехотные. Данные о приказах командования по цепочке связников и тайников теперь передают сами английские офицеры (я только забочусь о жизни своих солдат, никакого нарушения присяги, сэр Кухулин), поэтому следование подразделений в походном строю по строго оговоренным маршрутам не приводит к пролитию крови. Разве что в прицелы снайперов попадают слишком рьяные проверяющие.

Венцом наших партизанских действий стали нападения на военные заводы Веккерса и Армстронга. Да, это большие предприятия, и у них есть солидная охрана. Человек по тридцать... с револьверами. Они ничего не смогли сделать против хорошо спланированной атаки двухсот боевиков. Все-таки до надежной защиты стратегических объектов

тыла здесь еще не додумались.

У Виккерса мы уничтожили оборудование – высокоточные металлообрабатывающие станки. Жаль, что персонал по ночам не работает, но ведь ничего не мешает нам навесить их дома немного позднее? Через недельку-другую... А у большинства квалифицированных рабочих семьи. Нет, мы не монстры какие – никого убивать не будем, но реальная угроза жене и детям заставит работяг задуматься: а так ли им хочется быть передовиками производства?

На заводе Армстронга нам, можно сказать, повезло – из-за ошибок логистики на складе готовой продукции скопилось два десятка оружейных стволов крупного калибра – ГК новых броненосцев. Почему так вышло, ведь обычно столь ценные предметы делаются чуть ли не поштучно, и комплекты сразу отправляются на корабли, мы выяснять не стали. К чему? Улыбнулась фортуна – отлично! Практика показала, что изделия, на каждое из которых ушло несколько тысяч человеко-часов квалифицированного труда, легко уничтожаются засунутым в жерло зарядом взрывчатки, сформованной в форме колбаски.

В общем, устроили мы гордым альбионцам весьма несладкую жизнь – ну так не хрен, ешкин дрын, угнетать своих соседей и лезть во внутренние дела суверенных государств!

Рассказывает Григорий Романов (великий князь Павел)

К Спасской башне мой автомобиль, роскошный черный «жигуленок», подлетел на полном ходу, испугав лошадей чьей-то пароконной коляски, выезжающей навстречу из ворот. Одна из лошадок даже встала на дыбы, и конюху совместно с двумя солдатами охраны пришлось потратить несколько минут, чтобы навести порядок и освободить проезд. Наконец движение через ворота восстановилось, и «Жигули» медленно проехали на территорию Кремля. Начальник караула виновато вытянулся во фронт с рукой у козырька, часовые замерли, взяв «на караул по-ефрейторски».

«С этой новой формой сразу и не поймешь, что за полк! – недовольно подумал великий князь, небрежно махнув перчаткой к козырьку. – Хотя смотрится элегантнее, чем Сашины сюртуки и шаровары...»

Я усмехнулся, поймав себя на мысли реципиента. Сознание тридцатилетнего великого князя редко досаждало мне проявлениями своего «я», давая знать о себе в основном в регулярном желании натянуть гусарские рейтузы да иногда в неожиданных для восьмидесятилетнего старика по ступках. Помолодеть сразу на полстолетия – это, знаете ли... В остальном личность Павла, человека мягкого и безалаберного, хотя и высокомерного, таилась где-то за гранью подсо-

знания. Даже известие об арестах родственников, включая близкого с детства брата Сергея, не затронуло в душе ничего.

Команда внедренцев не встречалась в полном составе больше года – с той памятной посиделки прошлой зимой во дворце великого князя Алексея Александровича на Мойке. Конечно, за это время мы общались по делам – особенно первое время приставал Алексей-Платов по проблемам Морведа (здесь помог больше мой опыт не инженера-кораблестроителя, а секретаря Ленинградского обкома – судостроение являлось важнейшей отраслью экономики города, и вникать в его проблемы приходилось не поверхностно).

Затем вопросы строительства Транссиба заставили плотно общаться со Стальградом – металлоконструкции, механизмы, квалифицированные рабочие, монтажники, – это стало основной проблемой, куда более сложной, чем тайга, болота и горы. Не думаю, что это общение доставляет большое удовольствие внуку моего приятеля... Хотя и сам Дима, то бишь Александр Михайлович Рукавишников, тоже не подарок... Где сядешь – там и слезешь...

Наверняка ведь с его, стервеца, подачи молодая императрица прислала мне в Омск обеденный сервиз с императорскими вензелями из Зимнего дворца – наплел, небось, как бедный дядюшка в тайге обедает из одного котла с медведями...

Тогда, в восьмидесятых, провокационная статья в «Шпигеле» о свадьбе «в Таврическом дворце и взятом из Эрми-

тажа сервизе» стала первым сигналом о конце карьеры. А свадьба была скромная, на даче, пятнадцать человек – какие сервизы?

Андропов тогда так и сказал: «Не обращай внимания, мы знаем, что ничего подобного не было». Ну, так дайте информацию, что не было, какие проблемы? «Хорошо, мы разберемся...» Разобрались, мать вашу... Даже перед выборами первого президента СССР специально создавали комиссию Верховного Совета по этой посуде с перепугу – вдруг с Горбачевым конкурировать захочу...

Я с трудом стряхнул с себя воспоминания из «той жизни». Конечно, по сравнению с Политбюро здешние интриги – детский сад. Чтобы разобраться с основными точками силы и факторами влияния в современной империи, мне хватило несколько месяцев, тем более что «по-слезнание» было вполне основательным. Организация «стройки века» также не потребовала ничего сверхъестественного – в моей жизни ударных строек хватало.

На то, чтобы создать свой «обком», ушло полгода. Как учили – «кадры решают все». Благо ни с кем ничего не надо согласовывать и утверждать. На бюджет акционерного общества Госплана нету...

Сегодня мой «Омский двор», как его называют в свете, сконцентрировал у себя контроль над всеми ресурсами Сибири и Дальнего Востока. После того как полдюжины купцов, заводчиков и один не понявший «политику партии» гу-

бернатор резко съехали по социальной лестнице вниз (а трое стали к каторжной тачке) – сибирское чиновничество реагирует на распоряжения из Омска, как райкомы на планы пятилетки.

Весть об убийстве Александра III и самозванце в Петербурге напрягла, но особого беспокойства не вызвала. Дворцовый переворот – слишком мало, чтобы раскачать Россию. Даже с английским экспедиционным корпусом вкупе.

Перед поездкой в Германию на коронацию Вильгельма II поговорить с Ники толком не удалось, пришлось на фоне официальных мероприятий на свой страх и риск провести переговоры с рядом германских фирм.

Вот и Большой Кремлевский дворец. Автомобиль плавно остановился у крыльца. Начальник моей личной охраны ротмистр Московичев распахнул дверцу. Бывший начальник жандармского отделения в Томске был замечен за хватку и сообразительность, а когда Отдельный корпус жандармов влился во вновь организованный КГБ – я забрал его в свою свиту.

Группу встречающих возглавлял уже известный мне Гревс:

– С прибытием, Ваше Высочество. Его Величество ожидают вас в кабинете...

«Свежепомазанный» самодержец Земли Русской выглядел как начальник отдела секретариата ЦК КПСС перед пленумом. То есть невыспавшимся и задерганным.

– Здравствуй, Ники.

– С приездом, Григорий Васильевич! Присаживайся. Как там Рейх и мой братец Вилли? Не обижал?

– Ну что ты... Репутация моя там известная – гусар и фанфарон, сосланный царственным братом Александром в сибирскую глушь. Так что – дали шефство над прусскими кирасирами и австрийскими уланами – и успокоились на этом. И слава богу. Было время заняться делами. Я там несколько контрактов с Круппом и кильскими судовладельцами заключил. Причем корабельщикам надо платить из казны.

– Григорий Васильевич, – скривился император, – тебе про казну рассказать – или сам догадываешься?

– Догадываюсь, что после мятежа ничего хорошего там быть не может! Но... но нам остро необходимы металлоконструкции из Германии.

– Неужели нельзя заказать в Стальграде? – вскинул глаза Ники.

– Можно! – вздыхаю и начинаю объяснять...

Мосты... мосты стали настоящим проклятием Транссиба. Дорога спроектирована по водоразделу. Только вот высоты здесь идут не так, как в европейской части России, а по отдельным пикам, соединенным перевалами и перерезанным глубокими лощинами. Строительство начали сразу на трех участках: Западно-Сибирская железная дорога от Челябинска до Оби, Средне-Сибирская – от Оби до Иркутска, Уссурийская – от Владивостока до Хабаровска. Вторым эта-

пом планируется соединить Байкал с Хабаровском. Третий – Кругобайкальская линия.

Если на Западно-Сибирский участок мостовые фермы, изготовленные в Стальграде, можно доставить по железной дороге, на Средне-Сибирский – сплавом, то на Уссурийский – только морем через Владивосток. А там – Амур, между прочим, если кто не помнит... Через него мост в «той» истории три года строили. Из Киля на германских судах металлоконструкции доставлять дешевле и безопаснее, чем Доброфлотом. У САСШ на западном побережье металлургии еще толком нет...

– Теперь понял, – кивнул император, выслушав мой обстоятельный доклад. – Ладно, на такое дело деньги найдем.

Обсуждение железнодорожных проблем затянулось на добрый час. Снова всплыла тема КВЖД. Вроде бы уже решили еще в позапрошлом году – при яростном сопротивлении «августейшего адмирала» Платова, – что КВЖД в ближайшие лет тридцать-сорок не будет... Ах да, Ники же японскую делегацию ждет. Что ж, пройдемся еще раз по основным позициям.

Северная Маньчжурия сейчас – полупустыня, по которой бродят кочевники со своими стадами. Когда «в той жизни» Россия построила КВЖД, приграничные районы Китая стали заселяться в пятнадцать раз быстрее, чем наше Приамурье. Через пять лет китайский хлеб стал успешно конкурировать с амурским, вызвав упадок русского земледелия в При-

амурье. Наши инвестиции в КВЖД и Порт-Артур на самом деле оказались инвестициями в китайскую экономику и пагубно сказались на развитии собственного Дальнего Востока. Тем более что вывозить по этой дороге и через этот порт нам оказалось нечего – доля России в торговле на Дальнем Востоке не превышала двух процентов в лучшие годы.

– А что там за войнушку ты с китайцами на Амуре устроил? Как ее – Желтуга? – спросил император, перестав делать пометки по ходу беседы.

– Точно. Речка Желтуга с китайской стороны Амура. Ты не поверишь – шлихтовое золото в невероятных количествах. Бесконтрольная добыча с 1882 года. По прикидкам наших старателей, за это время там не меньше десяти тонн взяли. Целая хунхузская республика образовалась, этакая Амурская Тортуга. Даже свой президент был.

– Маньчжур?

– Еврей! – усмехнулся я. – Карл Иоганн Фассе. Из будапештских адвокатов, телеграфистом работал.

– Фигасе! И что?

– Послал казаков, хунхузов разогнали. Потом маньчжурский отряд появился. Казачки, как в Албазине, неделю оборону держали, пока Корф воинскую команду с артиллерией не подогнал.

– И что теперь китайцам отвечать?

– Да пусть дипломаты попереписываются... Я там уже форт поставил, дорогу построим. Нет, не отдадим! Золото

нужно. В бюджет закладывали шестьдесят тысяч рублей на версту – выходит за восемьдесят. Но главная проблема, конечно, люди. То бишь их отсутствие. Всех, кого ты осенью прислал – порядка восьмидесяти тысяч мятежников и пленных англичан, я уже к делу приставил, но нужно еще три раза по столько же. Сейчас целыми эшелонами везут финнов и поляков. Хорошо, но пока их дисциплине научишь – семь потов сойдет... с них. А то и шкурка от кнута облезет. Да и работают эти «европейцы» из рук вон... Нужны нормальные работники, свои, исполнительные, инициативные и обученные. Но... Крестьян от хозяйства не оторвешь – только-только устраиваются на неосвоенных землях. Казаков с их льготами на работы калачом не заманишь – да и не надо это, они на своем месте. Китайцев и корейцев около десяти тысяч уже работает, на уссурийском участке в основном – но производительность труда крайне низкая. Забрал из острогов и с Сахалина почти всех ссыльнокаторжных – около тридцати тысяч. Ну и воинские команды из гарнизонов, извини, припряг – каторжников охранять.

– В славных советских традициях? Зря ты это...

– Да ладно, с кем им там воевать? Не сорок первый, чтоб сибирские дивизии Москву спасали. Да и нет там дивизий, к сожалению. Потом, я же не просто их конвоировать поставил, я им школы для обучения на машинистов, дорожных мастеров, телеграфистов открыл. Они потом не в деревню свою вернуться, а на Транссибе останутся с хорошей профес-

сией.

– И сколько у тебя работающих на круг выходит? Если без семей считать?

– Всего около двухсот тысяч человек. А нужно полмиллиона!

– Ладно. Люди будут. Скоро. У нас тут аграрная реформа на сносях – крестьян из центральных губерний переселять надо – ну, это ты в курсе. Опять же «кровавая гэбня», «замирение» окраин... короче, нужно наладить прием и расселение нескольких десятков тысяч ссыльных. Кхм... Многих десятков. Ну и к делу всех пристроить, естественно...

– Пристроим, не вопрос!

– Кстати, Григорий Васильевич, давно интересуюсь: а как в Сибири иностранцы приживаются? Вроде уже лет двести туда ссылаем, еще со шведов и ливонцев, кажись...

– Ты знаешь, сразу в глаза бросилось, что почти вся высшая администрация в Сибири – остзейские немцы. Чуть ли не с Екатерины такая традиция пошла. И не скажу, что это плохо – чиновничество там не так распущено. Да и попам нашим не шибко с туземцами разгуляться дают – в смысле насильственного крещения язычников. Кстати, немцы перед бурятами-буддистами испытывают неподдельный трепет. И буряты им симпатизируют – что-то у них общее есть. То-то они в гражданскую Унгерна обожествляли.

Мы посмеялись.

– А теперь давай о крестьянах, – вернулся я к больному

вопросу. – Ты же выкупные платежи отменил! Как в ближайшие годы крестьянина от своей грядки оторвешь? Что вы там с «декретом о земле» решили?

Земельный вопрос поднимался в нашем общении неоднократно, причем каждый из команды попаданцев имел по нему свое мнение. Подкрепленные тем или иным объемом знаний и опыта, наши рассуждения оставались чисто умозрительными. И не потому даже, что никто из нас не был специалистом по сельскому хозяйству. Просто этот вопрос не имел в истории России примеров положительного решения. Послезнание только помогало нам предвидеть негативные последствия того или иного шага, но верных рецептов дать не могло.

Император мрачно насупился, подошел к накрытому столу и плеснул в фужеры коньяк.

– Твою записку я читал. Завтра Государственный совет. Пока по Столыпину: разрешение выхода из общины, создание Крестьянского банка, принудительное землеустройство и усиление переселенческой политики! – Ники чокнулся с моим фужером и выпил. – Да понимаю я, что этот вековой фугас когда-нибудь нужно разрядить, не надо на меня так смотреть! Но не могу же я завтра вот так просто взять – и отобрать шестьдесят процентов сельскохозяйственных земель! Это только у дворян! А если еще и церковные земли...

– Будешь ждать, когда помещичьи усадьбы жечь будут? Шестнадцать лет осталось...

– Не будут – поджигалки поотрываю... Дай мне годик. Я сейчас дворянство, эту «опору престола», повоспитываю – через год отчуждение земель пройдет «по многочисленным просьбам нетрудящихся» влет. Да и пойми – нам промышленность строить надо. А что я с этого крестьянина с его шестью десятинами возьму? Гусар в прод отряды посылать буду? Ты извини, Григорий Васильевич, за цинизм – но державе сейчас нужно, чтобы крестьянин разорился, шел на завод или ехал на целину. А кулак концентрировал площади, обрабатывал их с помощью батраков, кормил страну и гнал зерно на экспорт. И когда я у помещиков землю отберу – она не на куски должна быть порезана, а присоединена к большому, хорошо организованному хозяйству.

– Ну и в чем разница? Помещик, кулак... Про классовую борьбу в школе рассказывали?

– Рассказывали. Только батрак батраку рознь. Я не Столыпин. У него расслоение деревни происходило, а индустриализации не было. Разорившийся крестьянин превращался в люмпена – в деревне или в городе, неважно. Вот и накопили «революционные массы». А у меня он будет иметь выбор – и за кусок хлеба батрачить не пойдет. И будут не батраки, а хорошо оплачиваемые сельскохозяйственные рабочие. Которые позже станут механизаторами и прочими... доярками.

– Значит, как в девяносто первом году? Из социализма – в дикий капитализм, из патриархальных общинных отношений – в буржуазные: каждый за себя? Не жалко мужика-то?

– И ты туда же... Мне Димон уже всю плешь проел: «Землю не делить, общины превратить в колхозы», – а он им трактора и сеялки поставлять будет... А кто этими колхозами рулить будет, кто заработки делить будет, какую-никакую бухгалтерию вести, наконец? Они ж там друг друга в вилы возьмут на первом же колхозном собрании. Большевики вон и то с заводов «двадцатипятидесятников» в председатели призывали. Потому как одно дело мужику какому-нибудь Давыдову, из города с наганом приехавшему, подчиняться – или своему соседу Петьке, дед которого моему деду при царе Горохе аршин веревки задолжал...

– Ну, были же недавно «народники»... Можно как-то грамотную молодежь в деревню привлечь?

– С непредсказуемым результатом, ага... Знаешь, Григорий Васильевич, я что-то в наши девяностые годы в социалистические идеалы веру-то подрастерял. И в «моральный кодекс», и в «единую общность – советский народ». Я уж лучше на мужицкий инстинкт собственника поставлю...

...Я смотрел на этого молодого – молодого в квадрате – человека. Вот странно – при общении со всеми «нашими» мне вполне комфортно обращаться с ними по «здесьним» именам. Наверное, это оттого, что я не знал их ранее и моя память не конфликтует с памятью реципиента. Олег же обращается к нам, как правило, «настоящими» именами – при отсутствии посторонних, разумеется. Интересно, в нем от Николая вообще ничего не осталось? Или просто настолько

сильная натура, что для второго сознания места просто нет?

– Скажи, Ники... Вот ты сейчас собираешься «строить» дворян. КГБ – «в лучших традициях» – ты создал, преданными полками обзавелся – короче, собираешься развернуть террор. Ни красным, ни белым его не назовешь – скорее, опричнина. Какими ты видишь пределы этого террора? Под какой идеологией? На кого будешь опираться? Силовики – это орудие, это не опора. Вот всю семейку романовскую к ногтю взял – зачем? Претендентов на престол боишься?

Император насупился:

– Во-первых, не всю семейку: младших не тронул, воспитаем. Во-вторых, претендентов на трон у нас половина монарших столов Европы – только свистни. А считаю я, уважаемый Григорий Васильевич, что семейка «наша», Романовы оказались недостойны той ответственной роли, которую возложила на них История. Не справились с управлением-с... Если пароход утонул и пассажиры погибли – капитан по-любому должен сесть, какой бы распрекрасной души человеком он ни был! Вот я их и приговорил. Не тебе рассказывать, какую роль в крушении «той» монархии они сыграли. А потом, знаешь, честно скажу – если бы хоть кто-то из них в Златоустовском монастыре себя человеком показал – ну хоть обматерил меня, что ли, – освободил бы, честное слово... Теперь об опоре. Я сейчас хочу из дворян сделать то, чем они по жизни и должны быть, – служилое сословие. Вернуть, так сказать, к истокам... Активные сторонни-

ки «вольностей дворянских» и всякие Обломовы при этом поедут к тебе – дорогу строить и Сибирь заселять...

– И за что ты Обломова репрессируешь? Как турецкого шпиона?

– Угу. Или уругвайского. В стране должна быть дееспособная элита. Прекраснодушные Обломовы сдали империю и в семнадцатом, и в девяносто первом. И опираться мне сейчас в этом, кроме как на крестьян, не на кого. Разрушая общину, я делаю крестьянина мобильным. Активная часть поползет вверх по социальной лестнице – и обязаны этим будут только мне. Это и есть моя опора.

– Из крестьян, поднявшихся по социальной лестнице, получают разночинцы. Которые начитаются известных книжек и станут тебе не опорой, а могильщиком. И начнешь ты их давить с помощью тех же дворян. А там и пролетариат появится. И пошло по кругу... И когда же придем к всеобщему счастью и благоденствию? Или хотя бы к стабильности?

Моя ирония, по-видимому, вывела собеседника из равновесия. Встав из-за стола, Николай-Олег подошел к окну и с минуту стоял спиной ко мне, разглядывая что-то в зимнем кремлевском дворе. Повернувшись и пристально глядя мне в глаза, негромко произнес:

– К всеобщему? Тогда же, когда и к коммунизму... Я ведь, Григорий Васильевич, у вас учусь. У большевиков. Террор должен быть целевым и соразмерным, направленным на конкретный сегмент общества и достаточным для нейтрализа-

ции деструктивного потенциала этого сегмента. Как вы – в двадцатые годы «красный террор» против дворянства и Церкви, в начале тридцатых – крестьянство, в конце тридцатых – интеллигенция и переродившаяся красная бюрократия... А стабильность... В России самыми стабильными были царствования Александра III и Леонида Брежнева. И оба раза после «стабильности» сразу наступала смерть империи. – Накопившееся раздражение заставило его повысить голос: – «Россия беременна революцией» – это когда было сказано? Она уже беременна! И это не лечится! Так что я лечить не буду – я кесарево сечение сделаю!

Николай присел к столу и залпом допил коньяк.

– Ладно, Григорий Васильевич, извини. Давай к делу. Я предлагаю тебе завтра стать председателем Государственного совета. И начать реформы. Обязанности председателя акционерного общества Транссиба ты сможешь выполнять и из Москвы.

Я помедлил и тоже взял фужер с коньяком. Собственно, раздумывать особо не о чем, только как сформулировать...

– Понимаешь, Ники... Госсовет должен проводить твою линию. Все окончательные решения за тобой. Поэтому в должности председателя там должен быть проводник твоей воли – хороший исполнитель без самостоятельности. Этаким интерфейс без искажений. Я думаю, ты такого легко найдешь. А я, если ты не возражаешь, продолжил бы заниматься Транссибом там, на месте.

Николай внимательно посмотрел мне в глаза и поднял свой фужер.

– Ну хорошо. Я введу должность наместника по Сибири и Дальнему Востоку. Делай инфраструктуру и строй там «общество будущего». Тем более оттуда народ ссылать некуда, – улыбнулся Николай, пригубив коньяк. – Слушай, а давай Ленинград построим? На Лене где-нибудь?

– На Лене не получится. Там Новосибирск, то бишь Новониколаевск, строить нужно – на пересечении Оби Транссибом. Кстати, о Ленинграде. После переноса столицы в Питере наверняка возникнет интеллигентско-дворянская фронда. Там будут концентрироваться все тобой недовольные.

– Вот и хорошо – пусть концентрируются: профилактировать легче будет. А в Питере, Григорий Васильевич, у нас будет культурная столица России – вот так оригинальненько... Я там оставил Российскую академию наук, из Эрмитажа первый государственный публичный музей сделаем... Как-то так.

– Спасибо, Ники! – совершенно искренне сказал я.

Когда встреча завершилась, провожая меня в дверях, император сказал:

– А Новосибирск мы не Новониколаевском назовем. Построй там настоящую столицу Сибири, не хуже Ленинграда. И мы назовем ее Романов-на-Оби.

Я уезжал в Омск со смешанным чувством. Олег – молодец, и есть в нем что-то от того, настоящего, главного «хозя-

ина», о котором даже в его времена вспоминали со смесью почтения и страха. Он крепко взялся и останавливаться не собирается. Но с другой стороны – ведь есть и те, кто мог бы лучше, разумнее, правильнее... Я пил чай в раскачивающемся вагоне, а в голове злой осой бились мысли: «Хорошо, что эта штуковина попалась Таругину. Какой-нибудь дерьмогад такого бы наворотил... Но почему, почему она попалась этому мальчишке, а не мне?»»

Рассказывает Олег Таругин (император Николай II)

Сегодня первое в мое царствование заседание Государственного совета¹⁷. Для заседания выбран Николаевский дворец¹⁸ в Кремле.

Я прохожу мимо Чудова монастыря¹⁹. Занятно все же разглядывать строения, не дошедшие до нас «в той, другой жизни». Монастырь интересный. По сути, это один большой дом со встроенными церквями, здорово отличающийся по внешнему виду от привычных нам монастырей – эдаких пограничных крепостей-застав...

А ведь это будет единственный монастырь на территории Кремля. Пока есть еще один – Вознесенский, но скоро придется его сносить: в Кремле острая нехватка административных зданий. Построим вместо него, как и у нас, 14-й корпус Кремлевской администрации...

От размышлений об архитектуре Кремля я плавно перехожу к тому, что меня сейчас ожидает. Государственный совет... В нем минимум четыре партии: либералы – сторонни-

¹⁷ Государственный совет – высший законосовещательный орган Российской империи в 1810–1906 гг.

¹⁸ Николаевский дворец, Малый Николаевский дворец в Кремле, был выстроен в 1775 г. В 1929 г. снесен.

¹⁹ Разрушен в 1930 г.

ки покойного Лорис-Меликова²⁰, славянофилы – под общим руководством Каткова и Победоносцева, военные – сторонники Драгомирова и, наконец, недобитые скобелевцы – последователи покойного «Белого генерала». И все вот это вот я сейчас буду разгребать, мирить, ставить в позу...

Впрочем, не так страшен черт, как его малюют. Самыми горячими сторонниками «бархатного диктатора» Лорис-Меликова являются Бунге и Сольский²¹. Поправка: Бунге ЯВЛЯЛСЯ горячим сторонником незабвенного изобретателя «диктатуры сердца». Сейчас Николай Христианович – мой горячий сторонник. И Димкин, кстати, тоже. А Сольский сильно болеет, потому серьезного противодействия от него ожидать, пожалуй, не приходится. Кто там еще? Статс-секретарь Каханов? С ним, возможно, и договоримся...

Славянофилы... Тут как карта ляжет. Могут попробовать и противодействие оказать. Хотя вряд ли. У них парадом «Змей» заправляет, а он-то точно знает, что великие князья Романовы пребывают не в карантине по случаю вспышки инфекционной болезни, а... в несколько иных... местах. И ожидает их весьма скорый... Ну, в общем, ни хрена хорошего их не ожидает. А Победоносцев отнюдь не дурак и ид-

²⁰ **Лорис-Меликов** Михаил Тариэлович (1825-1888) – российский военачальник и государственный деятель; генерал от кавалерии, генерал-адъютант, граф. Член Государственного совета.

²¹ **Сольский** Дмитрий Мартынович (1833–1910) – русский государственный деятель, Государственный секретарь, Государственный контролер России, председатель департамента за конов.

ти следом за Романовыми не собирается. Ему еще жить не надоело...

Драгомировцы... Могли бы оказать серьезное сопротивление, но на моей стороне Гейден, Столетов, Алахазов, Духовский, Данилович... Да и сам Михаил Иванович во время мятежа был более чем лоялен ко мне. Ко всему прочему арестован и вскоре предстанет перед судом основной оппонент Драгомирова – Ванновский. Так что с этой стороны проблемы если и будут, то совсем незначительные...

Скобелевцы... Этих в Госсовете и вовсе немного. Редкин, Мансуров – вот, собственно говоря, и все. Правда, скобелевцы могли бы рассчитывать на помощь лорис-меликовцев и драгомировцев, но об этом смотри выше...

Взбодренный такими рассуждениями, я захожу в Николаевский дворец. Лейб-конвойцы распахивают двери, и я появляюсь в большом зале.

С шумом отодвигаются кресла, и все, кто только ни на есть в этом зале, встают. Я милостиво киваю собравшимся и прохожу в центр зала, где у небольшого столика, покрытого красным сукном, стоит мое кресло-трон с высокой спинкой, на которой изображен государственный герб.

– Здравствуйте, господа! Прошу садиться.

Совсем рядом со мной с трудом опускается в кресло Государственный контролер Сольский. Недавно он перенес инсульт, или, выражаясь здешним языком, апоплексический удар, и теперь может перемещаться, только опираясь на две

толстые палки.

– Дмитрий Мартынович, – тихо говорю я. Сольский заинтересованно поворачивается, – я по прошу вас впредь не вставать при моем появлении. Ваши заслуги достаточны, чтобы иметь привилегию приветствовать государя сидя.

Он благодарно кивает, а я обращаюсь уже ко всем собравшимся в зале:

– Господа члены Государственного совета. Сегодня у нас на повестке дня множество крайне важных вопросов. Но первым, хотя и не самым главным, я полагаю, должен стать вопрос о новом председателе Государственного совета.

Зал напряженно молчит. Естественно, ведь прежним председателем был турецкий шпион, враг народа Михаил Николаевич Романов. Предлагать же кого-то на этот пост разумно опасаются. Во-первых, потому что назначать председателя Госсовета – прерогатива императора, во-вторых, кто его знает, чего государь император сейчас отчебучит?..

Наконец поднимается седой ветеран с созвездием орденов. Как же, бишь, тебя? Еще помню – фамилия у него занятная...

– Ваше императорское величество! – Вспомнил! Дондуков-Корсаков²²! – Если мне будет позволено высказать свое мнение, то, вероятно, как администратор, проявивший се-

²² **Дондуков-Корсаков** Александр Михайлович (1820-1893) – князь, русский генерал и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны.

бя великолепнейшим образом, князь Ливен²³ мог бы весьма удачно управляться с делами...

Ливен? А почему бы и нет? Хотя... Ох, не нравится мне этот взгляд Победоносцева. Вроде как одобряет... Ну, вот уж нет, господин «Змей», вашему ставленнику ходу нету. Нечего было в Твери отсиживаться, когда противостояние между мной и «дядей Вовой» было в апогее. Выбирал, на чью сторону встать выгоднее? Ну, вот и не обижайся!..

– Я полагаю, что для князя Ливена найдется более интересная должность. Еще кто-нибудь?

Победоносцев ерзает. Что, не выходит каменный цветок? Госсовет молчит, как рыба об лед. Ладно, придется мне. Все сам, все сам...

– Если других кандидатур нет, то я считаю, что на пост председателя следует назначить генерала Черткова! Это человек, много и плодотворно работавший над военной реформой, неоднократно в боях доказавший свою преданность императору и народу России.

А еще Чертков – близкий друг Гейдена и не особо дружил с великими князьями. Но об этом говорить необязательно...

Седой генерал встает, склоняет голову и по моему знаку проходит к председательскому креслу. Вот он уселся и выжидательно смотрит на меня. Я киваю Филе, тот подает мне папку. Достаю подготовленные листки и протягиваю Миха-

²³ **Ливен** Андрей Александрович (1839–1913) – светлейший князь, русский государственный деятель.

илу Ивановичу:

– Пожалуйста, господин председатель...

Чертков встает, откашливается:

– Господа члены Государственного совета. Сообщаю вам, что волей государя императора в совет назначены следующие новые члены: граф Рукавишников Александр Михайлович, князь Васильчиков Сергей Илларионович, генерал Духовский Сергей Михайлович, член-корреспондент Императорской академии наук Менделеев Дмитрий Иванович. Образуется новый постоянный департамент – промышленности, наук и торговли. В его компетенцию будут входить рассмотрение законопроектов и бюджетных ассигнований в области развития промышленности и торговли, а также просвещения; дела об утверждении уставов акционерных обществ и железных дорог; выдача привилегий на открытия и изобретения. Главой этого департамента назначается граф Рукавишников.

Чертков переводит дух, а я в это время разглядываю присутствующих на предмет реакции на услышанное. Победоносцев сидит молча и неподвижно, но рядом с ним заметно шевеление. Нехорошее такое шевеление...

Чертков между тем продолжает:

– Государь возлагает на нас, господа, следующие обязанности: рассмотреть и решить вопрос о гарантиях рабочим в отношении минимального размера заработка, о ликвидации общины в деревне, об изменении правил и принципов

всех видов образования, о создании профессиональных союзов промышленных рабочих и работников транспорта, о предоставлении преимуществ титульным нациям, о бюджете на наступивший год.

В зале гробовое молчание. Господа члены Госсовета переваривают полученную информацию. Хотя насчет «гробового» молчания я, пожалуй, перегнул палку. Молчание, скорее, заинтересованное.

Чертков зачитывает мою программу реформ. Обязательный монетизированный минимальный заработок. Дабы у господ промышленников не возникло желания засчитать в МЗ стоимость койки в казарме и кредита в фабричной лавочке. Профессиональные союзы с правом надзора за охраной труда и промышленной безопасностью на предприятиях. Раздел крестьянской земли не по числу едоков или мужиков, а по количеству средств обработки земли, с правом преимущества для тех, у кого надел по этому критерию больше. Народное образование выводится из-под присмотра Синода и передается Министерству просвещения. Гимназии – для всех, кто в состоянии заплатить. Реальные и технические училища. Сельские училища с упором на агрономию, животноводство и прочее. Обязательное шестиклассное образование.

И, наконец, самое главное: преимущественные права титульной нации, то есть великороссов, малороссов и белорусов. Снижение налогов, преимущественное право при за-

нятии государственных и выборных должностей. Льготы по вероисповеданию. Короче говоря: «Самодержавие, народность, православие!» Отныне и вечно!

Во время доклада я исподволь наблюдаю за Победоносцевым. Константин Петрович сидит совершенно спокойно, но по тому, как замертвели его скулы, я понимаю: он многим, очень многим недоволен. Но молчит. И не только потому, что боится. Возможно, просчитывает варианты противодействия.

Чертков переходит к заключительной части доклада. О! Скулы у Победоносцева ожили. Значит, или он придумал, чем противодействовать, или смирился и просчитал варианты на сотрудничество. Еще бы знать, что он выбрал?..

...Распределение вопросов по комиссиям... Глухое сопротивление одних, поддержка других... Господи, дай мне сил!..

...Рассматривается расходная часть бюджета. Тут, похоже, нервничают все. Хотя, приватно докладывал мне Долгоруков, все члены Госсовета, в общем, не против программы, предложенной Бунге. В дни перед заседанием Госсовета Долгоруков по собственной инициативе выполнил весьма серьезную миссию. Он приглашал к себе в гости членов Госсовета. Поодиночке. Хлебосольство бывшего хозяина Москвы было известно всем, и никто приглашения не отклонил. И не пожалел об этом: повара у Владимира Андреевича пользуются заслуженной славой. А во время обеда «князь Володь-

ка» исподволь начинал делиться полученной от меня информацией о программе будущего заседания. И отслеживал реакцию. Некоторые из гостей Долгорукова даже предлагали некоторые изменения и дополнения к бюджету, часть из которых после соответствующего доклада Владимира Андреевича была включена в окончательный вариант...

...Так, ну, вот и все. Голосование по бюджету окончено. Принято. Не единогласно, но большинством голосов. Господи, как я устал! А ведь еще не конец...

– Господа. Я благодарен вам за проделанную работу. Надеюсь, что и впредь наши заседания будут столь же полезны и плодотворны. – И уже к Черткову: – Господин председатель. Если вопросов больше нет, то...

Чертков кивает и встает рядом со мной:

– Господа, заседание окончено.

Зал поднимается, начинает расходиться. Пора...

– Константин Петрович! – Победоносцев оглядывается. – А вас я попрошу остаться...

...Через час я покидаю зал заседаний. Победоносцев если и не понял всего, то, во всяком случае, принял к сведению. «Змей» обещал поддержку. Хотя это еще ничего не значит. Что он мог сказать другого после заявления, которое, если отжать воду, озвучить все намеки и недосказанности, звучит примерно так: «Константин Петрович, я вас очень ценю и уважаю. Вы мой наставник, вас высоко ценил мой покойный отец. Но если вы попыгаете мешать мне – раздавлю,

как клопа! И душевными муками терзаться не буду»? Так что будем посмотреть. И следить...

– Серж!

– Да, государь. – Васильчиков весь внимание.

– Организуй-ка мне слежку за «Змеем». И прослушку тоже. Донесения – мне на стол. Каждую неделю...

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Вот ведь не было печали – сидел себе тихо-спокойно на славной должности владельца заводов и пароходов – и так мне хорошо было... Вставал не раньше восьми часов утра да с полчаса сладко потягивался. Потом часовая тренировка, контрастный душ, массаж. Завтракал по-человечески – в отдельной столовой, на фарфоре, кашка да бутербродики с ветчинкой, чаек сладенький, газетка свежая... Неспешно покушаешь, статейки глазами пробежишь, папироску выкуришь, горничную Глашку за попку ущипнешь, пешочком из особняка до конторы прогуляешься – красота.

А теперь на ходу, между умыванием и одеванием, пару пирожков сжую – и то ладно! Ну, может, еще кренделек горячий, купленный на углу Мясницкой и Лубянки, по пути из дворца на службу съем. Уже и на утреннюю разминку с трудом десять минут выкраиваю. Некогда, некогда, времени практически нет – столько на меня сразу навалилось забот, – я ведь теперь не олигарх какой, а член Госсовета, мать его, глава Департамента промышленности, наук и торговли, в придачу граф и командир лейб-гвардии бронекавалерийского полка. Когда в крайний раз горняшку вечерком валял – уже и не помню. Встаю в шесть утра, спать ложусь в два-три, не до постельных утех. Жалею, что в сутках не тридцать ча-

сов.

Друг сердечный, его императорское величество, как-то после очередного доклада спросил участливо:

– Что-то ты, братишка, с лица спал – бледный какой-то, похудел! Мундир гвардейский как на вешалке висит! У тебя, часом, глисты не завелись?

– Иди ты в жопу! – вежливо ответил я. – С таким графикам работы, как у меня, – не до глистов! Я теперь как мокрая соль...

– Это как? – Олегыч удивленно наморщил лоб.

– Как-как... Не высыпаюсь! – усмехаюсь хмуро. – А еще раз так подъебнешь – в морду дам и не по смотрю, что хозяин Земли Русской!

– Ну ладно, извини, Димыч! – Николай делает вид, что раскаивается, а у самого в глазах бесенята веселые скачут. Как же – взбодрил друга!

Мне этой бодрости надолго не хватило – быстро рассеялась. С утра в присутствие – дела государственные, прием посетителей, просмотр рапортов, отвечивание люлей подчиненным. Департамент образован всего пару месяцев назад, штаты не заполнены, имеющиеся чиновники сбиваются с ног, кутерьма и неразбериха. Мало того – больше половины функционеров среднего и низшего звена пришлось спешно заменять в процессе работы. Не справлялись – привыкли в других департаментах приходиться на работу к десяти, два часа тратить на обед, а домой отправляться в шестнадцать

тридцать. А я сразу завел такой порядок – подчиненные не должны приходить на службу позже руководителя и уходить раньше его. Не нравятся такие порядки – пошли вон с волчьим билетом! Теперь назначение на вакантные должности в мою контору отдельные несознательные господа воспринимают как отправку на Транссиб. Я только выгляжу раздолбаем и сибаритом, а на самом деле по натуре жуткий педант: люблю четкое планирование и систематизацию. И требую того же от других.

Однако когда еще работа Департамента промышленности, наук и торговли устаканится? Очень не хватает Сашки Ульянова – тот всегда большую часть текучки на себя брал. Но, к сожалению, пришлось отпустить его в университет доучиваться. Заодно дал ему задание – подобрать полсотни толковых ребят и после окончания учебы организовать научно-исследовательский институт фармакологии. Обещал за год управиться – хорошенечко подготовиться и все экзамены сдать экстерном. Ему тоже некогда пять лет убивать – время не ждет! Звонил тут на днях, рассказывал, как его в альма-матер бывшие однокурсники и товарищи по борьбе с царизмом «ласково» приняли – он в универ пришел в мундире гвардейского подпоручика, с крестом Георгия четвертой степени на груди. Ну, вылитый царский опричник и кровавый сатрап. Какие-то особо умные личности даже побить его пытались. Всемером на одного, храбрецы... Ага, побили... Сашка их так отмудохал, что всех в больничку свезли с мно-

гочисленными ушибами мягких тканей головы и переломами конечностей. Удивительно, но один из пострадавших, самый храбрый, додумался на Ульянова жалобу в деканат подать. Дурака выперли из университета с формулировкой: за клинический идиотизм.

Сейчас Сашку заменяют сразу два человека – Тихон Петрович Скобин, пожилой дядька в слишком маленьком для его возраста чине титулярного советника, опытнейший зубр делопроизводства, и дружинник моей сталинградской «банды» Коля Воробьев, бывший бродяжка, а после снайпер-дальнобойщик экстра-класса, заваливший с расстояния в полверсты самого узурпатора. Воробьев, кроме невиданно меткой стрельбы, отличался огромными успехами в математике, что позволило ему с отличием окончить Нижегородское коммерческое училище²⁴. Вкупе старый и молодой давали неплохой результат, но до высот Ульянова пока не дотягивали. Ну, тот тоже не сразу начал рекорды усидчивости ставить – почти год к секретарскому стулу притирался.

– Еженедельный отчет о работе государственного консорциума «Кораблестроитель», – докладывает Скобин, подавая тоненькую картонную папку.

– Доложите кратко, Тихон Петрович! – устало прошу я. И без того кучу бумаг с утра перелопатил. – Надеюсь, реструктуризация и модернизация идут по плану?

– Точно так-с! – степенно отвечает помощник. – Графики

²⁴ См. «Хозяин Земли Русской».

поставок нового оборудования на казенные верфи не сорваны, как в прошлый раз. Новый начальник верфей Галерного островка сообщает о законченном ремонте основных стапелей и строительстве новых.

– Ну, с ремонтом они затянули, хотя это старый начальник был виноват, – вспоминаю я. Месяц назад в срочном порядке пришлось выпинывать на пенсию заслуженного деятеля кораблестроительной промышленности адмирала Ракова. Хотя лично мне хотелось его расстрелять за саботаж и манкирование служебными обязанностями. – А что со строительством? В какой стадии оно находится?

– Восьмидесятипроцентная готовность! – не заглядывая в отчет, докладывает Скобин.

– Хорошо, если так! Хоть что-то радует! – без улыбки говорю я. – И еще... Тихон Петрович, уточните на Галерном островке – как у них с размещением новоприбывших рабочих из Стальграда!

– Понимаю-с, – кивает помощник. – О своих людях беспокоитесь? Все узнаю в лучшем виде и немедленно доложу-с!

Консорциум «Кораблестроитель» – еще одна моя головная боль. Помнится, этот хомут Олегыч с Серегой Платовым хотели взвалить на меня еще в прошлом году. Император тогда меня «спас» – послал сына Коленьку и брата Лешеньку по известному адресу. Но вот не стало Александра Третьего – и мне прибавилось забот. Ко всем прочим проблемам еще и отечественное кораблестроение поднимать.

– А как успехи в Николаеве? Напомните!

– Там работы ведутся с опережением графика-с. Сорокапроцентная готовность сооружений! – по памяти ответил Скобин. – Ну, так они и начали с чистого листа-с! Однако Варварин доложил на прошлой неделе, что стапеля будут готовы к закладке кораблей уже в июне-с.

– Да, это хорошо! – резюмирую я. Моисей Варварин – инженер Стальградской верфи, отправленный в Николаев «на усиление». Талантливым администратором оказался мужик – я от него подобной прыти не ожидал, рассчитывал, что стапели построят к осени. Надо будет его чем-нибудь наградить – «Анну», что ли, на шею повесить?

После Скобина заходит Коля Воробьев, неся в руках изящную кожаную папочку с каким-то золотым тиснением и чьими-то вензелями. Любит паренек мишуру – это у него так беспризорное детство сказывается.

– Тут это... Александр Михалыч, то дело, что вы мне вчера поручили... – издалека начал Воробей. Да, ораторское искусство – не его конек. – В общем... вот!

Он извлекает на свет божий несколько сплошь исписанных цифрами листов бумаги. Старательно разложив их передо мной на столе, Коля с гордым видом отходит на пару шагов, окидывая взглядом получившийся натюрморт.

– Воробей, твою мать, это что?! – хриплю я. Сил нет даже на мат. – Объясни нормальным языком! Или ты решил, что я Лобачевский?

– Дык... хозяин, это... того... – мямлит Коля, но под моим взглядом вытягивается в струнку и четко рапортует: – Расчет потребности в квалифицированных кадрах, технике, оснастке, материалах и времени на реализацию проекта «Бешеный пес».

– Так-так... – озадаченно качаю головой. Верно, сам вчера поручил Воробьеву рассчитать все вышеперечисленное. Только не ожидал, что он за сутки управится. Проект «Бешеный пес» – это строительство боевого корабля нового типа. По технологии, уже обкатанной на речных пароходиках, – шаблонно-плазовым методом. – Ты, Воробей, конечно, мастер вычитать, делить, умножать и складывать, но вот оформляешь свои выводы просто отвратительно! Ну и где у тебя итоговые цифры?

Коля, потупившись, ткнул пальцем с вьезшейся под ногтем оружейной смазкой в обведенные квадратиками числа.

– Это в каких единицах измерения? В ньютон-метрах али тройских унциях? – продолжаю издеваться.

– В человеко-часах! – на мгновение закатив глаза от моей тупости, ответил Николай.

– Четыреста тридцать пять тысяч человеко-часов на один корабль?

Воробьев кивнул.

– Переведи попонятней! – неопределенно потребовал я.

– Три месяца работы для двух бригад из двухсот тридцати четырех человек! – задумавшись всего на пару секунд, отве-

тил ходячий калькулятор.

– Работающих в две смены по десять часов без выходных и праздников? – уточнил я.

Коля снова кивнул.

– Значит, так, Воробей, мне из тебя сведения силком тянуть неохота! – решительно говорю я. – Чтобы к вечеру оформил все как положено – в виде таблицы, где нормально видно каждый параметр и его значение.

Раздосадованный Николай торопливо собирает листочки со стола, складывает их в свою роскошную папочку и, понурив голову, топает на выход.

– Эй, Воробей, стоять! – команду я.

Коля четко разворачивается через левое плечо и вытягивается в струнку. Все-таки здорово его Емеля в свое время муштровал.

– За то, что расчеты так быстро сделал, объявляю благодарность!

Николай сразу расцветает в улыбке.

– Ладно, топай к себе! – разрешаю я. – Выезд через полчаса!

Обедать мы едем в полк. Родной лейб-гвардии бронекавалерийский Лихославльский расквартирован на севере Москвы, в новом военном городке, построенном полгода назад. Во время поездки Воробьев сидит на правом переднем сиденье «Жигулей» и настороженно оглядывает окрестности. «Мушкетон» с примкнутым прикладом лежит на его коле-

нях. На заднем сиденье бдят, по сматривая в свои сектора ответственности, Яшка с Демьяном. У обоих «Бердыши» с круглыми магазинами на семьдесят патронов. А в багажнике автомобиля лежат еще два СКЗ, цинк патронов и «Фузея»²⁵. Мало ли что... Это не Стальград – Москва – город большой, и всех приезжих не проконтролируешь. Я отчего-то абсолютно уверен, что «просвещенные мореплаватели» полученные от нас плюхи не простят, придумают асимметричный ответ.

В полку я ежедневно провожу три часа. Обязанностей командира с меня никто не снимал, но благодаря хорошему заместителю – капитану Брусилову²⁶ – у меня нет необходимости присутствовать в казармах целыми днями, вникая в каждую мелочь.

Доклад о состоянии личного состава и матчасти, проверка документации, обход территории постоянного пункта дислокации. Процедура отработанная и занимает всего час. Затем традиционный обед с офицерами, половина из которых – мои бывшие дружинники, включая командира бронедивизиона, героя подавления мятежа, поручика Еремея Засечного.

²⁵ Оружие производства Стальградского завода «Братьев Рукавишниковых»: «Мушкетон» – 9-миллиметровый пистолет-пулемет; СКЗ «Бердыш» (самозарядный карабин Засечного) – 6,35-миллиметровый ручной пулемет; «Фузея» – 10,67-миллиметровая снайперская винтовка с продольно-скользящим затвором.

²⁶ **Брусилов** Алексей Алексеевич (1853–1926) – русский и советский военачальник, генерал от кавалерии. В описываемый период – преподаватель кавалерийской езды в Петербургской офицерской кавалерийской школе.

Полк укомплектован до штатов – восемь линейных кавалерийских эскадронов, разведэска-дрон, пулеметный эскадрон с «Единорогами» на тачанках, гаубичная батарея, артиллерийский дивизион, бронедивизион, минометный дивизион, инженерно-саперная рота, рота связи. Всего тысяча восемьсот человек, из них полторы тысячи строевых, шестнадцать штурмовых бронемашин «Медведь», десять полуторок «Самара», восемь тракторов «Вол», четыре шестидюймовые гаубицы МЛ-20 «Московский лев», двенадцать легких 87-миллиметровых полевых пушек, тридцать два 82-миллиметровых миномета, шестнадцать 120-миллиметровых минометов, пятьдесят четыре крупнокалиберных пулемета. В каждом отделении пулеметчик с «Бердышом», снайпер, гранатометчик с 40-миллиметровым «Тромблоном»²⁷. В каждой роте четыре станкача и четыре «подноса». Мощь по нынешним временам очень большая. Мы можем в одиночку по рвать пехотную дивизию, что не раз делали с войсками узурпатора. Но я не собираюсь на этом останавливаться – в перспективе кавалеристы должны пересесть на бронетранспортеры, вся артиллерия перейти с конной на механическую тягу, обоз – поменять пароконные фуры на грузовики.

После сытного обеда по закону Архимеда... а вот уж фиг! Поспать, как рекомендует детская присказка, не получится –

²⁷ «Тромблон» – гранатомет стальградского производства, аналогичный по устройству М-79.

а кто будет командиров подразделений тактике учить? Полтора-два часа занятий на картах и макетах и раз в неделю выезд на полигон для отработки усвоенного материала. На лекциях присутствуют не только мои «бронекавалеристы», но и два десятка офицеров из других полков. В чинах не ниже капитанского. Это император распорядился – вроде как мы лучше всех новую тактику, связанную с появлением броневиков и автоматического оружия, усвоили. К счастью, сейчас все эти полковники слушают меня крайне внимательно, аккуратно конспектируют, вопросы задают по существу.

А ведь в начале курса отношение к лектору, то есть ко мне, было крайне специфическим. Балансирующим на грани между пренебрежением и презрением. Большинство курсантов в гражданской войне поучаствовать не успели и «лихославльцев» в бою не видели, зато все знали, что новоиспеченный командир гвардейского полка – вчерашний купчишка. Эх, как мне иной раз хотелось дать кому-нибудь из слушателей в рожу, чтобы вместе с парой зубов вынести с лица наглую ухмылку. Однако проведенные в феврале большие маневры сразу расставили все по своим местам. Лейб-гвардии бронекавалерийский Лихославльский полк наголову разбил несколько подразделений, использующих старую тактику. И император добавил огоньку по итогам: выгнал с командных должностей «побитых» офицеров, заодно понизив их в звании.

Мотивация была простой: на курсы изучения новой так-

тики ходили? Ходили. Те приемы, которыми уничтожили вверенные вам подразделения, изучали? Изучали. Но ничего в ответ не предприняли. Значит, зря потратили служебное время, что приравнивается к саботажу. Вот после этого мои лекции стали пользоваться бешеной популярностью.

– «Огонь, маневр и рукопашная схватка – основные способы действий пехоты!»²⁸ – нарочито скучным голосом вещаю я. – Огневого превосходства над противником современная пехота добивается повышением плотности ружейно-пулеметного огня. Согласно новым штатам, на один пехотный батальон приходится триста восемьдесят четыре скорострельные магазинные винтовки «Пищаль», тридцать два ручных пулемета «Бердыш», двенадцать станковых пулеметов «Единорог», что в целом дает нам плотность ружейного огня в три пули на один погонный метр фронта. Однако путем маневра подвижными средствами усиления, а также применяя фланговый, косоприцельный и перекрестный огонь, мы можем добиваться на отдельных участках фронта плотности в восемь-десять пуль на погонный метр.

Полковники уже не зевают от моего монотонного голоса, как на первых занятиях, а тщательно записывают «перлы мудрости», небрежно изливаемые на их головы.

– Основными задачами пехоты считаю следующие: в наступательном бою, сочетая огонь и движение, сблизиться с противником, атаковать его, захватить в плен или уничто-

²⁸ Боевой устав пехоты (БУП-42).

жить в рукопашной схватке! Закрепить за собой захваченную местность! – я продолжаю по памяти пересказывать Боевой устав пехоты Красной армии. – В оборонительном бою мощным и метким огнем и решительными контратаками отразить атаки противника, нанести ему тяжелые потери и удержать за собой обороняемую местность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.